

Милые обманщицы. Безупречные

Автор:

[Сара Шепард](#)

Милые обманщицы. Безупречные

Сара Шепард

Милые обманщицы #2

Четыре подруги – Эмили, Спенсер, Ария и Ханна – хранят секрет, который может разрушить их безупречный образ. И кто-то по имени «Э» угрожает раскрыть его. Неужели это их подруга Элисон, которая пропала три года назад? Или это Мелисса, старшая сестра Спенсер, мечта которой – устранить конкурентов? А что насчет Тоби, загадочного соседа, который уехал из города сразу после исчезновения Элисон? Одно известно точно: любая помятая записка, странное SMS-сообщение, угрожающее письмо – и девочки теряют всё.

Сара Шепард

Милые обманщицы. Безупречные

Sara Shepard

PRETTY LITTLE LIARS

Book 2: Flawless

Published by arrangement with Rights People, London.

Produced by Alloy Entertainment, LLC

© 2007 by Alloy Entertainment and Sara Shepard

© Key Artwork © 2015 Warner Bros. Entertainment Inc. All Rights Reserved.

© И. Литвинова, перевод на русский язык, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Посвящаю МДС и РНС

Око за око – и весь мир ослепнет.

Ганди

Как все начиналось

Знаешь того мальчишку, что живет по соседству, самого мерзкого из всех живущих на земле существ? На крыльце, собираясь поцеловать своего парня и пожелать ему спокойной ночи, краем глаза ты замечаешь этого пакостника на другой стороне улицы – он всегда там маячит. Он появляется ниоткуда, когда ты сплетничаешь с подругами – но не вдруг и не случайно. Он как тот черный кот, что непременно перебежит тебе дорогу. Если он проезжает на велосипеде мимо твоего дома, ты уже чувствуешь, что провалишь экзамен по биологии. Если он злобно поглядывает в твою сторону, будь осторожна.

В каждом городе есть свой «черный кот». В Роузвуде это Тоби Кавано.

– Думаю, нужно добавить румян. – Спенсер Хастингс отступила назад и вгляделась в лицо своей подруги Эмили Филдс. – Веснушки все равно проступают.

– У меня есть консилер «Клиник». – Элисон ДиЛаурентис потянулась за косметичкой из голубого вельвета.

Эмили посмотрела на себя в переносное зеркало на журнальном столике в гостиной Элисон. Она наклонилась ближе, повернулась в профиль, сложила бантиком розовые губки.

– Мама убила бы меня, увидев в такой раскраске.

– Да, но тебя уьем мы, если ты все это смоешь, – пригрозила Ария Монтгомери, расхаживая по комнате – по каким-то только ей ведомым причинам – в розовом мохеровом лифчике, который недавно связала.

– Да, Эм, ты выглядишь классно, – согласилась Ханна Марин. Она сидела на полу, скрестив ноги, и все время ерзала, проверяя, не вываливаются ли бока из маловатых джинсов «Блю Культ» с низкой посадкой.

В пятницу, апрельским вечером Эли, Ария, Эмили, Спенсер и Ханна собрались вместе на традиционной ночевке шестиклассниц: можно было не жалеть друг на друга косметики и трескать чипсы с солью и уксусом перед телевизором, посматривая «Крибс»[1 - «Крибс» – развлекательная передача о повседневной жизни звезд шоу-бизнеса. (Здесь и далее, если не оговорено иное, примечания переводчика.)] на канале MTV. Сегодня к этому ритуалу добавилась барахолка, устроенная прямо на ковре, – девчонки решили поменяться одеждой на время, оставшееся до конца учебного года.

Спенсер примерила лимонно-желтый кашемировый кардиган.

– Бери, – авторитетно сказала Эли. – На тебе здорово смотрится.

Ханна схватила оливковую вельветовую юбку Эли и, приложив ее к бедрам, повертелась перед подружкой.

- Что скажешь? Думаешь, Шону понравится?

Эли застонала и запустила в Ханну подушкой. С тех пор как они подружились в сентябре, Ханна все уши прожужжала о том, как она лю-ю-юбит Шона Эккарда, их одноклассника из дневной школы Роузвуда, где девчонки учились с детского сада[2 - В США детский сад дети начинают посещать в возрасте 4-5 лет, он официально является первой ступенью младшей школы и входит в начальное образование.]. В пятом классе Шон был просто каким-то конопатым коротышкой, но за лето вымахал на целую голову и сбросил детский жирок. Теперь чуть ли не каждая девчонка мечтала его поцеловать.

Подумать только, как многое может измениться за год.

Девочки - все, кроме Эли, - знали это по себе. В прошлом году они были... обычными. Спенсер - старательная сверх меры - всегда сидела на первой парте и тянула руку, готовая ответить на любой вопрос учителя. Ария - немного со странностями - предпочитала заниматься танцами, вместо того чтобы, как положено, играть в футбол. Эмили - застенчивая пловчиха, хотя и чемпионка штата, - скрывала свою жизнь под водой, оставаясь загадкой для тех, кто на суше. А Ханна, хотя и глуповатая и нескладная, читала журналы «Вог» и «Тин Вог» и время от времени могла ляпнуть что-нибудь о моде, поразив несведущих одноклассниц.

Что и говорить, в каждой из них скрывалась «изюминка», но они жили в Роузвуде, пригороде Филадельфии, что в штате Пенсильвания, а в Роузвуде все было особенным. Цветы пахли слаще, вода казалась вкуснее, дома поражали своим размахом. Местные шутили, что по ночам белки убирают мусор и очищают обочины от вездесущих одуванчиков, чтобы Роузвуд не огорчал привередливых жителей. В городке, где все выглядело безупречно, трудно было выделиться.

Но Эли почему-то удавалось. С длинными светлыми волосами, лицом в форме сердца и огромными голубыми глазами, она слыла первой красавицей. После того как Эли объединила девочек в дружную компанию - и словно открыла миру, - они определенно стали другими. Они вдруг получили карт-бланш на все, что не осмеливались делать раньше. Теперь, приезжая в школу на автобусе,

они могли сразу побежать в туалет и переодеться в мини-юбки. На уроках они посылали мальчишкам записки, покрытые поцелуями со следами гигиенической помады. На переменах, взявшись за руки, шеренгой разгуливали по школьным коридорам, обливая презрением неудачников.

Эли схватила тюбик мерцающей фиолетовой помады и покрасила губы.

– Кто я?

Девчонки откликнулись дружным стоном – Эли пародировала их одноклассницу Имоджен Смит, слегка помешанную на губной помаде «Нарс».

– Нет, подожди. – Спенсер поджала губы и всучила Эли подушку. – Засунь-ка под рубашку.

– Ага, точно. – Эли затолкала подушку под розовую рубашку поло, и все захихикали. Поговаривали, что Имоджен уже отдалась десятикласснику Джеффри Кляйну и теперь ждала от него ребенка.

– Ну, вы даете, девчонки. – Эмили покраснела. Она была самой застенчивой из них, возможно, из-за сверхстрогого воспитания, ведь ее родители полагали, что любое веселье – это зло.

– Что такое, Эм? – Эли взяла ее под руку. – Имоджен поперек себя шире – не иначе беременная.

Девочки снова засмеялись, но как-то смущенно. Эли умела подмечать чужие слабости, и, пусть даже ее догадки насчет Имоджен были верны, подруги подозревали, что у них за спиной она точно так же подшучивала и над ними.

Они вернулись к сортировке тряпок. Ария влюбилась в ультраконсервативное платье Спенсер фирмы «Фред Перри». Эмили натянула джинсовую мини-юбку, оголив худые ноги, и спросила у подруг, не слишком ли коротко. Эли объявила, что расклешенные джинсы Ханны от «Джоз» – полный отстой, и сняла их, оставшись в ярко-розовых велюровых мальчишеских шортиках. Она направилась к стереосистеме и, проходя мимо окна, вдруг замерла.

– Боже мой! – вскрикнула она, прячась за спинкой фиолетового плюшевого дивана.

Девочки разом обернулись. Под окном стоял Тоби Кавано. Он просто... стоял там. И тарашился на них.

– Ой!

Ария инстинктивно прикрыла руками грудь – она уже сняла платье Спенсер и осталась в вязаном лифчике. Спенсер – одетая – подбежала к окну.

– Пошел прочь, извращенец! – крикнула она.

Тоби ухмыльнулся и убежал.

Завидев Тоби, местные переходили на другую сторону улицы. На год старше девчонок, бледный, высокий и тощий, он вечно бродил по окрестностям в одиночку, как будто шпионил за всеми. Ходили слухи, что однажды его застукали целующимся враспашку с собственной собакой. Еще говорили, что он отличный пловец, потому что у него жабры вместо легких. И что ночью он спит в гробу, в домике на дереве на заднем дворе дома.

Тоби общался только со своей сводной сестрой Дженной, которая училась в их классе. Дженну тоже считали шизанутой, хотя и более вменяемой – по крайней мере, она умела говорить полными предложениями. И, пожалуй, ее можно было назвать симпатичной, если кому по душе такие унылые красавицы – с густыми темными волосами, вдумчивыми зелеными глазами-блюдцами и плотно сжатыми красными губами.

– Я чувствую себя... изнасилованной. – Щуплая Ария содрогнулась всем телом, словно стряхивая с себя невидимую кишечную палочку. У них только что прошел урок о паразитах. – Да как он смеет?

Эли покраснела от злости:

– Мы должны отомстить ему.

- Как? - Ханна округлила светло-карие глаза.

Эли задумалась на мгновение.

- Оплатим ему той же монетой.

Все очень просто, объяснила она, надо напугать Тоби. Если Тоби не слонялся по округе, шпионя за соседями, он безвылазно торчал в своем домике на дереве. Там он играл в «Гейм Бой» и, возможно - кто его знает? - собирал гигантского робота, чтобы терроризировать роузвудскую школу. Но, поскольку домик этот находился, понятное дело, на дереве и Тоби всегда убирал за собой веревочную лестницу, избегая непрошенных гостей, они не могли вот так запросто забраться в его логово.

- Значит, нам помогут фейерверки. К счастью, мы знаем точно, где они лежат, - усмехнулась Эли.

Тоби был одержим фейерверками; он держал целую груду бутылочных ракет в основании дерева и частенько запускал их через люк в крыше домика.

- Мы прокрадемся туда, стащим одну ракету и бросим ему в окно, - придумала Эли. - Представляю, как он обделается.

Девочки посмотрели на дом Кавано. Хотя свет в большинстве окон уже не горел, время было не совсем позднее - всего-то половина одиннадцатого.

- Не знаю... - засомневалась Спенсер.

- Я тоже, - поддержала Ария. - А если что-то пойдет не так?

Эли театрально вздохнула:

- Да ладно, не дрейфьте.

Все затихли. Наконец откашлялась Ханна:

– А мне нравится эта идея.

– Хорошо, – дрогнула Спенсер следом за ней.

Эмили и Ария пожали плечами в знак согласия.

Эли захлопала в ладоши и жестом указала на диван возле окна.

– Короче, я пошла на дело. Вы можете смотреть отсюда.

Девчонки бросились к высокому эркерному окну и увидели, как Эли скользнула через улицу. Дом Тоби стоял наискось от особняка ДиЛаурентисов и был построен в таком же впечатляющем викторианском стиле, но ни тот, ни другой не могли сравниться с фермой семейства Спенсер, которая граничила с задним двором дома Эли. В хозяйстве Хастингсов имелись собственная ветряная мельница, дом с восемью спальнями, отдельный гараж на пять машин, патио с бассейном и переоборудованный из амбара гостевой домик.

Через боковой двор Кавано Эли подкралась к дереву Тоби. Его домик скрывали высокие вязаи и сосны, но свет уличного фонаря пробивался сквозь кроны, и девочки могли различить его смутные очертания. Наконец они увидели, как Эли, с конусовидной ракетой в руке, отступила от дерева на пару десятков шагов и прицелилась в мерцающее голубым светом окошко.

– Думаете, она сделает это? – прошептала Эмили.

Мимо проехал автомобиль, осветив фарами дом Кавано.

– Не-а, – ответила Спенсер, нервно теребя бриллиантовые пуссеты, которые родители подарили ей за отличные оценки в последнем табеле успеваемости. – Она блефует.

Ария сунула в рот хвостик черной косы.

– Согласна.

– Откуда мы знаем, что Тоби еще там? – спросила Ханна.

Девочки погрузились в напряженное молчание. Они всегда участвовали в проделках Эли, но до сих пор это были невинные шалости – вроде того, чтобы тайком пробраться в гидромассажную ванну с морской водой в спа-салоне «Фермата», влить каплю черного красителя в шампунь сестры Спенсер или отправить поддельное любовное письмо от директора школы Эплтона их однокласснице тупице Моне Вондервол. Однако то, что происходило сейчас, вызывало у них некоторую тревогу.

Бум!

Эмили и Ария в ужасе отпрянули от окна. Спенсер и Ханна прижались лицами к стеклу. На той стороне улицы было темно. Что-то ярко вспыхнуло в окне домика на дереве, но в остальном как будто ничего не изменилось.

Ханна прищурилась:

– Может, это была и не ракета.

– А что же еще? – с сарказмом заметила Спенсер. – Выстрел из пистолета?

И тут отчаянно залаяла немецкая овчарка Кавано. Девочки схватились за руки. Зажегся свет в патио. Послышались громкие голоса, из боковой двери дома выскочил мистер Кавано. И вдруг из окна домика на дереве вырвались язычки пламени. Огонь быстро распространялся. Все это напоминало сцену из видеофильма, который Эмили каждый год смотрела на Рождество по наставлению родителей. Вскоре послышался отдаленный вой сирен.

Ария обвела взглядом подруг.

– Что происходит?

– Думаешь?.. – прошептала Спенсер.

– Что, если Эли... – вырвалось у Ханны.

– Девчонки, – раздался голос у них за спиной. Эли стояла на пороге гостиной: руки повисли плетьюми, лицо бледное, как никогда.

– Что случилось? – в один голос воскликнули они.

Эли выглядела встревоженной.

– Не знаю. Но я не виновата.

Сирены звучали все ближе и ближе, и наконец воющая «Скорая» заехала на подъездную аллею дома Кавано. Парамедики выскочили из машины и бросились к домику на дереве. Веревочная лестница уже болталась внизу.

– Что случилось, Эли? – Спенсер направилась к двери. – Ты должна рассказать, что там было.

Эли потянулась следом за ней.

– Спенс, не надо.

Ханна и Ария переглянулись; слишком напуганные, они даже не двинулись с места, боясь, что кто-нибудь их увидит.

Спенсер спряталась за куст и осторожно выглянула. Тогда она и увидела жуткую зияющую дыру на месте окна в домике Тоби. Она почувствовала, как кто-то крадется сзади.

– Это я, – донесся голос Эли.

– Что... – еле слышно выдохнула Спенсер, но, прежде чем она смогла продолжить, фельдшер «Скорой помощи» начал спускаться из домика на дереве, вынося кого-то на руках. Неужели Тоби пострадал? А вдруг он был мертв?

Девочки – кто из кустов, кто из окна дома – вытянули шеи, чтобы лучше рассмотреть происходящее. Сердца забились быстрее – и в какой-то миг остановились.

Это был не Тоби. Пострадала Дженна.

Вскоре Эли и Спенсер вернулись в дом. Эли с жутковатым спокойствием рассказала подругам о том, что произошло: фейерверк залетел в окно и попал в Дженну. Никто не видел, как Эли поджигала ракету, так что им ничего не угрожало, пока они хранили молчание. В конце концов, это был фейерверк Тоби. Если копы кого и могли обвинить в случившемся, так только его.

Ночью они плакали, утешали друг друга, спали урывками. Потрясенная, Спенсер лежала на диване, свернувшись калачиком, и щелкала пультом телевизора, переключаясь с канала на канал – «E!»[3 - В эфире канала E! (англ. Entertainment – «развлечение») представлены реалити-шоу, новости из мира шоу-бизнеса, а также программы, посвященные значимым голливудским мероприятиям.], мультики, «Планета животных» и обратно. Утром, когда они проснулись, новость уже облетела окрестности: кто-то сделал признание.

Тоби.

Девочки подумали, что это шутка, но местная газета подтвердила: Тоби действительно сознался в том, что устроил фейерверк в домике на дереве, случайно направил ракету на сестру и она ослепла. Эли прочитала записку вслух, когда они все собрались за кухонным столом. Казалось бы, они должны были испытать облегчение, только вот что оставалось делать с правдой?

Несколько дней в больнице Дженна то билась в истерике, то пребывала в полной растерянности. Ее расспрашивали о том, что случилось, но у нее как будто отшибло память. Она даже не могла вспомнить, что происходило незадолго до катастрофы. Врачи объяснили это посттравматическим стрессом.

В дневной школе Роузвуда провели тематический сбор в поддержку Дженны под лозунгом «Фейерверки – это не игрушки», сопроводив его благотворительным концертом и продажей выпечки. Девочки, прежде всего Спенсер, с особым рвением участвовали в мероприятии, хотя, конечно, делали вид, будто не знают никаких подробностей. Если кто-то задавал вопросы, они в один голос отвечали, что Дженна – милая девочка, их близкая подруга. Многие одноклассницы, которые до этого и вовсе не замечали Дженну, говорили

то же самое. Дженна так и не вернулась в роузвудскую школу. Ее отправили в специальный интернат для слепых в Филадельфии, и больше ее никто не видел.

В Роузвуде плохое быстро забывалось, и Тоби не стал исключением. Родители перевели его на домашнее обучение до конца года. Прошло лето, и следующий учебный год Тоби встретил в исправительной школе в Мэне. Он уехал, не прощаясь, ясным днем в середине августа. Отец отвез его на вокзал, откуда он один отправился на электричке в аэропорт. В тот же день девочки наблюдали, как его родители снесли домик на дереве. Они будто хотели стереть все, что напоминало о существовании Тоби.

Через два дня после отъезда Тоби родители Эли пригласили девочек в поход по горам Поконо. Впятером они с удовольствием занимались рафтингом и скалолазанием и загорали на берегу горного озера. Ночью, когда разговор снова вернулся к Тоби и Дженне – как это часто бывало в то лето, – Эли напомнила им, что никогда и никому нельзя рассказывать о том, что случилось. Теперь это стало общей тайной, которая должна была навечно скрепить их дружбу. Ночью, когда они закрылись в пятиместной палатке и натянули на головы капюшоны кашемировых толстовок от «Джей Крю», Эли раздала всем яркие цветные шнурки-браслеты, символизирующие их связь. Она сама завязала браслеты на запястье каждой из них и велела повторять за ней: «Я обещаю хранить этот секрет, пока не умру».

Слово в слово, они повторяли клятву по кругу – Спенсер, Ханна, Эмили и Ария. Эли последней завязала браслет на своем запястье. «Пока не умру», – прошептала она, затянув узелок и приложив ладонь к сердцу. Девочки взялись за руки. Несмотря на весь ужас трагедии, им было легче оттого, что они вместе.

Они так и не расставались со своими браслетами – даже и под душем, и на весенних экскурсиях в Вашингтон и Колониальный Вильямсбург[4 - Вильямсбург – город XVIII века в штате Вирджиния, отреставрированный и воссозданный специалистами, музей под открытым небом.] или – как Спенсер – на Бермуды. Шнурки оставались на запястьях и во время изматывающих хоккейных тренировок или приступов гриппа. Эли сумела сохранить свой браслет в почти идеальной чистоте, как будто грязь могла замарать его великий смысл. Иногда девочки прикасались пальцами к браслетам и шептали: «Пока не умру», – напоминая себе о том, насколько они близки. Эти слова стали их тайным кодом; они знали, что за ним стоит. Эли снова повторила их почти год

спустя, когда они отмечали окончание седьмого класса летней вечеринкой с ночевкой. Тогда еще никто из них не знал, что всего через несколько часов Эли исчезнет.

И что слова «пока не умру» станут для нее пророческими.

1. А казалось, что мы друзья

Спенсер Хастингс стояла на ярко-зеленой лужайке Роузвудского аббатства с некогда лучшими подругами – Ханной Марин, Арией Монтгомери и Эмили Филдс. Девушки перестали общаться более трех лет назад, вскоре после загадочного исчезновения Элисон ДиЛаурентис, но сегодня судьба снова свела их вместе на поминальной службе в честь Элисон. Два дня назад строители нашли тело Эли под бетонной плитой на заднем дворе дома, где она когда-то жила.

Спенсер еще раз прочитала только что полученное сообщение.

Я все еще здесь, сучки. И я знаю все. – Э.

– О боже, – прошептала Ханна.

На экране ее телефона высветился тот же текст. А затем – и в мобильниках Арии и Эмили. Всю неделю каждая из них получала электронные письма и мгновенные сообщения от кого-то, кто подписывался буквой «Э». В этих посланиях чаще всего звучали намеки на то, что случилось в седьмом классе, в тот год, когда пропала Эли, но упоминались и новые секреты... из настоящего.

Поначалу Спенсер решила, что, возможно, «Э» и есть Элисон, что она каким-то чудом вернулась, но теперь это предположение казалось нелепым. Тело Эли разложилось под бетонной плитой. Выходит, она была мертва уже очень давно.

– Вы думаете, это... про Дженну? – прошептала Ария, потирая угловатый подбородок.

Спенсер убрала телефон в свою твидовую сумку от «Кейт Спейд».

– Не стоит говорить об этом здесь. Кто-нибудь может услышать.

Она бросила нервный взгляд в сторону церкви, где минуту назад еще стояли Тоби и Дженна Кавано. В последний раз Спенсер видела Тоби задолго до того, как пропала Эли, а Дженну – в ту трагическую ночь, когда фельдшер вынес ее из горящего домика.

– Тогда на качелях? – шепнула Ария, имея в виду игровую площадку у здания начальной школы, которая когда-то была излюбленным местом для их встреч.

– Отлично, – сказала Спенсер и нырнула в толпу скорбящих. – Встретимся там.

Был предвечерний час кристально-ясного осеннего дня. В воздухе пахло яблоками и древесным дымом. В небе проплывал воздушный шар. День как нельзя больше подходил для поминальной службы в честь одной из самых красивых девушек Роузвуда.

Я знаю все.

Спенсер содрогнулась. Наверняка это блеф. Кто бы ни скрывался за этим «Э», он не мог знать все. Не мог знать историю с Дженной – и уж тем более тайну, известную только Спенсер и Эли. В ту ночь, когда пострадала Дженна, Спенсер видела кое-что еще, чего не видели подруги, но Эли заставила ее держать язык за зубами. Спенсер хотела сразу рассказать Эмили, Арии и Ханне, но, когда поняла, что не сможет этого сделать, просто выбросила все из головы и сделала вид, будто ничего и не было.

Но все было.

Той прохладной апрельской ночью в шестом классе, сразу после того как Эли запустила фейерверк в окно домика на дереве, Спенсер выбежала на улицу. В воздухе пахло горелыми волосами. Она увидела, как парамедик с Дженной

на руках спускается с дерева по шаткой веревочной лестнице.

Эли стояла рядом с ней.

- Ты сделала это нарочно? - с ужасом в голосе спросила Спенсер.

- Нет! - Эли схватила ее за руку. - Это было...

Все эти годы Спенсер упорно гнала из памяти то, что произошло в следующее мгновение, когда прямо на них двинулся Тоби Кавано. Его спутанные волосы прилипли к голове, а мертвенно-бледное лицо было искажено гневом. Он почти вплотную приблизился к Эли.

- Я видел тебя. - Тоби трясло от злости. Он бросил взгляд в сторону своего двора, куда уже въезжал полицейский автомобиль. - Я все расскажу.

Спенсер ахнула. Захлопнулись двери кареты «Скорой помощи», и машина с воем отъехала от дома. Эли казалась на удивление спокойной.

- Да, но я видела тебя, Тоби, - сказала она. - И, если ты что-нибудь вякнешь, я тоже расскажу. Твоим родителям.

Тоби попятился назад:

- Нет.

- Да, - парировала Эли. Хотя и невысокая - всего-то метр шестьдесят, - она вдруг будто стала выше ростом. - Ты поджег фейерверк. Ты виноват в том, что случилось с твоей сестрой.

Что она творила? Спенсер схватила ее за руку, но Эли вырвалась.

- Сводной сестрой, - еле слышно пробормотал Тоби. Он посмотрел на свой обгоревший домик, потом устремил взгляд в конец улицы. Еще один полицейский автомобиль медленно подъезжал к дому Кавано. - Я тебя достану, - чуть ли не прорычал он, сурово глядя на Эли. - Ты ответишь за все.

Потом он исчез.

Спенсер вцепилась в Эли.

- Что будем делать?

- Ничего, - беспечно произнесла Эли. - Мы в полном порядке.

- Элисон... - Спенсер заморгала в недоумении. - Ты разве не слышала, что он сказал? Он видел, что ты сделала. И сейчас все расскажет полиции.

- Я так не думаю, - улыбнулась Эли. - У меня на него кое-что имеется.

Она наклонилась и шепотом рассказала, за каким занятием застукала Тоби. Это было настолько отвратительно, что Эли совсем забыла про зажженный фейерверк и очнулась, только когда горящая ракета вырвалась у нее из рук и полетела в окно домика.

Эли взяла со Спенсер обещание помалкивать и предупредила, что, если та проболтается, она придумает, как сделать так, чтобы свалить всю вину на Спенсер. Даже боясь представить себе, что может выкинуть Эли, Спенсер хранила молчание. Она переживала, что их выдаст Дженна - уж она-то точно знала, что Тоби не запускал ракету, - но девочка лежала в бреду, отчего та ночь осталась в ее памяти мутным пятном.

А годом позже Эли пропала без вести.

Полиция опрашивала всех, в том числе и Спенсер, допытываясь, не хотел ли кто свести с Эли счеты. Тоби, сразу подумала тогда Спенсер. Она так и не забыла его угрозу: «Я тебя достану». Только вот назвать Тоби - значило рассказать копам правду о том, что случилось с Дженной, признать и свою вину за то, что все знала и так долго молчала. А еще это вынудило бы ее открыть подругам тайну, которую она скрывала более года. Поэтому девочка ничего не сказала.

Спенсер закурила еще одну сигарету «Парламент» и вырулила со стоянки Роузвудского аббатства. Вот видишь? «Э» не мог знать все, как было сказано в сообщении. Если только «Э» не был Тоби Кавано... Хотя это казалось

бессмыслицей. В посланиях «Э», адресованных Спенсер, речь шла о секрете, который знала только Эли: еще в седьмом классе Спенсер поцеловала Йена, парня своей сестры Мелиссы. Спенсер призналась в этом Эли и больше никому. Но «Э» стало известно и про Рена, теперь уже экс-бойфренда ее сестры, с которым Спенсер на прошлой неделе зашла дальше поцелуев.

С другой стороны, Кавано жили напротив Спенсер. Вооружившись биноклем, Тоби вполне мог заглянуть в ее окно. И Тоби был в Роузвуде, хотя стоял сентябрь. Почему он покинул школу-интернат?

Спенсер въехала на вымощенную кирпичом подъездную аллею роузвудской школы. Подруги уже ждали ее на игровой площадке у корпуса начальных классов. Здесь стоял красивый деревянный замок с башнями, флагами и горкой в форме дракона. Парковка пустовала, на дорожках и тренировочных полях не было ни души; в школе объявили выходной день в память об Эли.

– Выходит, мы все получили послание от «Э»? – спросила Ханна, когда Спенсер присоединилась к ним. Каждая сжимала в руке сотовый телефон с открытым текстовым сообщением: «Я знаю все».

– До этого мне пришло еще два, – робко произнесла Эмили. – Я думала, что они от Эли.

– И мне тоже! – воскликнула Ханна, стукнув кулаком по шведской стенке.

Ария и Спенсер кивнули. Подруги нервно переглянулись.

– Что было у тебя? – Спенсер посмотрела на Эмили.

Эмили смахнула с глаз рыжеватую прядку.

– Это... личное.

Спенсер громко рассмеялась:

– Какие у тебя могут быть секреты, Эм! – В самом деле, Эмили казалась самой невинной и милой девушкой на всей планете.

Эмили как будто обиделась:

– Ну, это как сказать.

– Ох. – Спенсер плюхнулась на ступеньку детской горки. Она глубоко вдохнула, надеясь вспомнить запах опилок, которыми была покрыта площадка, но вместо этого уловила запах горелых волос – как в ту ночь, когда полыхал домик на дереве. – А ты что скажешь, Ханна?

Ханна сморщила вздернутый носик:

– Если Эмили не хочет рассказывать свои секреты, так и я не буду. Это знала только Эли.

– Со мной то же самое, – поспешно произнесла Ария и опустила глаза. – Извините.

Спенсер почувствовала, как сжалось все внутри.

– Значит, у каждой из нас были секреты, которые знала только Эли?

Все кивнули.

– А я-то думала, что мы лучшие подруги, – злобно фыркнула Спенсер.

Ария повернулась к ней и нахмурилась:

– Хорошо, тогда скажи, что было в твоём послании?

Спенсер вовсе не считала свою авантюру с Йеном такой уж страшной тайной, особенно в сравнении с тем, что она знала о катастрофе с Дженной. Но сейчас гордость не позволяла ей вот так запросто открыться подругам.

– Мой секрет тоже знала только Эли. – Она убрала за уши длинные русые волосы. – Но я получила от «Э» электронное письмо о том, что происходит сейчас. Такое впечатление, будто кто-то шпионит за мной.

Прозрачно-голубые глаза Арии расширились:

- И у меня такая же фигня.

- Выходит, за нами действительно кто-то наблюдает, - сказала Эмили. Божья коровка изящно приземлилась на ее плечо, и она стряхнула букашку, словно заметив в ней какую-то угрозу.

Спенсер встала.

- Как вы думаете, это мог быть... Тоби?

Все как будто удивились.

- Почему ты так решила? - спросила Ария.

- Он был там, когда все это случилось, - осторожно произнесла Спенсер. - Что, если он знает?

Ария перевела взгляд на экран своего мобильного.

- Ты серьезно думаешь, что все это как-то... связано с Дженной?

Спенсер облизала губы. «Расскажи им», - прошептал ее внутренний голос.

- Мы до сих пор не знаем, почему Тоби взял вину на себя, - уклончиво произнесла она, надеясь услышать, что скажут другие.

Ханна задумалась на мгновение:

- Тоби мог узнать о том, что мы сделали, только если кто-то из нас проболтался. - Она недоверчиво посмотрела на подруг. - Я не говорила.

- Я тоже! - в один голос воскликнули Ария и Эмили.

– А что, если Тоби узнал как-то иначе? – спросила Спенсер.

– Ты имеешь в виду, если кто-то еще видел Эли в ту ночь и рассказал ему? – спросила Ария. – Или если он сам видел Эли?

– Нет... я имею в виду... не знаю, – пробормотала Спенсер. – Я просто рассуждаю.

«Расскажи им», – снова пронеслось в голове у Спенсер, и опять она не решилась. Все, казалось, настороженно относились друг к другу – как это уже было однажды, сразу после исчезновения Эли, из-за чего, собственно, и разладилась их дружба. Если бы Спенсер сказала им правду, они бы возненавидели ее за то, что она утаила это от полиции. Возможно, даже обвинили бы ее в смерти Эли. И, наверное, были бы правы. А что, если Тоби действительно осуществил свою угрозу?

– Это просто мысли вслух, – услышала Спенсер собственный голос. – Возможно, я ошибаюсь.

– Эли говорила, что никто не знает, кроме нас. – У Эмили глаза были на мокром месте. – Она поклялась перед нами. Помните?

– К тому же, – добавила Ханна, – откуда Тоби может знать так много всего про каждую из нас? Я бы скорее поверила, что это кто-то из старых подруг Эли по хоккейной команде, или ее брат, или кто-то еще, с кем она общалась. Но Тоби она просто не переваривала. Как и все мы.

Спенсер пожала плечами.

– Пожалуй, ты права. – Как только она сказала это, на душе стало легче. Кажется, она слишком сгустила краски.

Вокруг было тихо. Может, даже чересчур тихо. Где-то рядом хрустнула ветка, и Спенсер резко обернулась. Качели раскачивались взад-вперед, как будто с них кто-то спрыгнул. Коричневая птица сидела на коньке крыши и поглядывала на них, как если бы тоже кое-что знала.

– Думаю, кому-то просто охота позлить нас, – прошептала Ария.

– Да, – согласилась Эмили, но прозвучало это не очень убедительно.

– Так что будем делать, если снова получим сообщения? – Ханна одернула подол короткого черного платья, облегающего стройные бедра. – Надо хотя бы выяснить, кто это.

– Давайте так договоримся: если что – сразу созваниваемся, – предложила Спенсер. – Попробуем все сопоставить. Но резких движений лучше не делать. И психовать тоже не стоит.

– А я и не психую, – поспешно произнесла Ханна.

– Я тоже, – снова в один голос откликнулись Ария и Эмили. Но, когда с главной дороги донесся автомобильный гудок, все вздрогнули.

– Ханна! – Из окна желтого «Хаммера НЗ» высунулась белокурая головка лучшей подруги Ханны Моны Вондервол. Ее лицо скрывали крупные очки-авиаторы с розовыми стеклами.

Ханна без всякого сожаления посмотрела на подруг.

– Мне пора, – пробормотала она и побежала к Моне.

За последние годы Ханна изменилась до неузнаваемости и стала одной из самых популярных девчонок роузвудской школы. Она похудела, перекрасила волосы в сексуальный темно-рыжий цвет, обзавелась новым дизайнерским гардеробом, и теперь они с Моной Вондервол – тоже преобразившейся неудачницей – гордо расхаживали по школе, не замечая никого вокруг. Спенсер задалась вопросом, что же за секрет скрывала Ханна.

– Я тоже должна идти. – Ария поправила на плече ремень объемной фиолетовой сумки. – Что ж... я позвоню, девчонки. – Она направилась к своей «Субару».

Спенсер задержалась у качелей. Рядом стояла Эмили; ее обычно жизнерадостное лицо выглядело усталым и осунувшимся. Спенсер коснулась ее веснушчатой руки.

– С тобой все в порядке?

Эмили покачала головой.

– Эли. Она...

– Я знаю.

Они неловко обнялись. Эмили быстро отстранилась и пошла в сторону леса, сказав, что хочет срезать путь домой. Все эти годы Спенсер, Эмили, Ария и Ханна не общались, даже когда сидели в одном классе на истории или оставались наедине в туалете для девочек. И все же Спенсер знала каждую из них, как никто, – со всеми их слабостями и завихрениями, которые могли быть известны только самой близкой подруге. И, конечно же, она знала, что Эмили тяжелее всех переживает смерть Эли. Когда-то они даже придумали ей кличку «Киллер», потому что она защищала Эли, как верный ротвейлер.

Вернувшись к своей машине, Спенсер устроилась на кожаном сиденье и включила радио. Покрутив ручку настройки, она поймала волну 610 AM филиладельфийской спортивной радиостанции. Перегруженные тестостероном ведущие азартно спорили о статистике матчей бейсбольных команд «Филлис» и «Сиксерс», и это странным образом успокоило ее. Она-то надеялась, что разговор с давними подругами поможет многое прояснить, но на душе стало еще более паршиво. В обширном словарном запасе Спенсер не находилось более подходящего слова.

Когда в кармане зажужжал мобильник, она потянулась за ним с мыслью о том, что писала, вероятно, Эмили или Ария. Может быть, даже Ханна. Но, прочитав сообщение, Спенсер нахмурилась.

Спенс, я не виню тебя за то, что ты не открыла им наш маленький секрет про Тоби. Правда может быть опасной – а ты ведь не хочешь сделать им больно, не так ли? – Э.

2. Ханна 2.0

Мона Вондервол припарковала родительский «Хаммер» у обочины, но не заглушила двигатель. Она зашвырнула сотовый телефон в сумку-тоут[5 - Tote bag (англ.) – вместительная сумка прямоугольной формы. Современная сумка-тоут чаще всего имеет трапециевидную форму, и ее верх может закрываться на замок или застежку.] коньячного цвета от «Лорен Меркин» и улыбнулась своей лучшей подруге Ханне:

– Я пыталась тебе дозвониться.

Ханна переминалась с ноги на ногу.

– Зачем ты здесь?

– Ты о чем?

– Ну, я вроде не просила заезжать за мной. – Ханна нервно кивнула в сторону парковки, где стояла ее «Тойота Приус». – Вон моя тачка. Тебе кто-то сказал, что я здесь, или что?

Мона намотала на палец длинную белокурую прядь.

– У тебя что, с мозгами совсем плохо? Еду домой из церкви, увидела тебя, остановилась. – Она хохотнула. – Или ты опять наглоталась мамино валиума? Ты как будто не в себе.

Ханна достала из сумки-хобо[6 - Hobo bag (англ.) – сумка в форме полумесяца с одной ручкой. Название произошло от английского hobo – «бродяга, странник». Форма сумки-хобо напоминает узелок, с которым прежде путешествовали небогатые люди.] от «Прада» пачку сигарет «Кэмел ультра лайт» и закурила. Конечно, она была не в себе. Ее некогда лучшая подруга была убита, а сама она всю неделю получала угрожающие сообщения от какого-то «Э». Сегодня ее весь день не покидало чувство, будто кто-то наблюдал за ней. Она ощущала слезку каждое мгновение – пока собиралась на поминальную службу, покупала диетическую колу в гастрономе «Вава», ехала по хайвею в сторону Роузвудского аббатства.

– Я не видела тебя в церкви, – пробормотала она.

Мона сняла очки, за которыми открылись округлившиеся голубые глаза.

– Ты смотрела прямо на меня. Я помахала рукой. Что-то из этого звучит знакомо?

Ханна пожала плечами:

– Я... не помню.

– Наверное, ты была слишком увлечена подругами, – ехидно заметила Мона.

Ханна оцетинилась. Тема бывших подруг до сих пор оставалась весьма щекотливой – когда-то давно Мона была одной из тех, кого дразнили девчонки из компании Эли. А уж после истории с Дженной их насмешки стали еще более ядовитыми.

– Извини. Там было столько народу.

– Да я вроде бы не пряталась. – Мона будто обиделась. – Я сидела прямо за Шоном.

Ханна печально вздохнула. Шон.

Шон Эккард, теперь уже ее бывший бойфренд; их отношения рухнули в прошлую пятницу, на традиционной вечеринке по случаю начала учебного года у Ноэля Кана. Ханна решила для себя, что эта пятница должна была стать для нее прощанием с девственностью, но, когда она попыталась соблазнить Шона, он отверг девушку, да еще и прочитал ей лекцию о самоуважении. В отместку Ханна устроила вместе с Моной увеселительную прогулку на семейном «БМВ» Эккардов и врезалась в телефонный столб неподалеку от железнодорожной станции.

Мона надавила тufелькой с открытым пальцем на педаль газа, и «Хаммер» взревел всей мощностью многоцилиндрового двигателя.

– Так вот, слушай. У нас с тобой полный завал – ни у тебя, ни у меня нет пары.

– Куда? – Ханна заморгала в недоумении.

Мона изогнула идеально выщипанную светлую бровь.

– Ну вот, приехали! На «Фокси»! В эти выходные. Теперь, когда ты бросила Шона, можешь подыскать кого-нибудь покруче.

Ханна уставилась на маленькие одуванчики, пробивавшиеся сквозь трещины в асфальте. «Фокси» – так назывался ежегодный благотворительный бал для «юных членов роувудского общества», спонсируемый местной гильдией охотников на лис, чем и объяснялось его название[7 - От англ. foxhunting (fox – лиса; hunting – охота)]. Пожертвовав двести пятьдесят долларов на благотворительные мероприятия гильдии, можно было рассчитывать на ужин с танцами, фотографию в «Филадельфия инквайрер» и упоминание в хронике светской жизни, так что в этой вечеринке видели хороший повод приодеться, выпить и подцепить чужого парня. Ханна заплатила за билет еще в июле, рассчитывая пойти вместе с Шоном.

– Не знаю, пойду ли я, – мрачно пробормотала она.

– Конечно, пойдешь. – Мона закатила голубые глаза и тяжело вздохнула. – Слушай, просто позвони мне, когда тебе сделают обратную лоботомию. – Она включила передачу и резво тронулась с места.

Ханна поплелась к своей «Тойоте». Подруги уже разъехались, и серебристый автомобиль одиноко маячил на пустынной парковке. Тягостное чувство не отпускало девушку. Ханна считала Мону своей лучшей подругой, но сколько же всего утаивала от нее! Взять хотя бы эти сообщения от «Э». Или историю ареста за кражу автомобиля мистера Эккарда. Или то, что это Шон бросил ее, а не наоборот. Шон дипломатично сказал своим друзьям, что просто «решил взять паузу и осмотреться». Ханна подумала, что пора сочинить собственную версию их размолвки, чтобы никто и никогда не узнал правды.

Но, признавшись Моне хотя бы в чем-то, Ханна расписалась бы в том, что ее жизнь выходила из-под контроля. Ханна и Мона вместе создавали себя заново, строго следуя правилу, что они – школьные дивы – безупречны. А для этого надо

было блюсти фигуру, первыми облачатся в джинсы «скинни» от «Пейдж» и держать все под контролем. Любые трещины в броне грозили отправить их обратно в лагерь неудачников, а этого они не могли себе представить даже в самом страшном сне. Никогда и ни за что. Поэтому Ханне ничего не оставалось, кроме как делать вид, будто ничего ужасного не произошло, хотя, безусловно, это было не так.

Ханна еще никогда никого не хоронила и уж тем более не сталкивалась с убийством. И то, что жертвой убийства стала Эли – в сочетании с записками от «Э», – особенно пугало. Если кто-то действительно знал историю Дженны... И мог рассказать... и к тому же имел отношение к смерти Эли, это означало, что Ханна больше не контролировала свою жизнь.

Она подъехала к своему дому – солидному кирпичному особняку в георгианском стиле[8 - Стиль георгианской эпохи (название стилей архитектуры и мебели, сложившихся к середине XVIII века и существовавших до 1830-х годов).] с видом на гору Кейл. Взглянув на свое отражение в зеркале заднего вида, она содрогнулась – кожа была покрыта пятнами и лоснилась, а расширенные поры казались зияющими дырами. Она наклонилась ближе к зеркалу, и вдруг лицо очистилось. Ханна сделала несколько длинных прерывистых вдохов, прежде чем выбраться из машины. В последнее время такие галлюцинации случались все чаще.

Взбурдаженная, она проскользнула в дом и направилась напрямик на кухню. Пройдя через застекленные двери, она замерла на пороге.

Мать Ханны сидела за столом, перед ней стояла тарелка с сыром и крекерами. Ее темно-каштановые волосы были собраны в пучок, на руке в лучах послеполуденного солнца посверкивали инкрустированные бриллиантами часы «Шопар». В ухе торчал беспроводной наушник, подключенный к сотовому телефону.

И рядом с ней сидел отец Ханны.

– Мы тебя ждем, – сказал он.

Ханна попятилась назад. В его волосах прибавилось седины, он носил новые очки в тонкой металлической оправе, но в остальном выглядел, как прежде:

высокий, с морщинками вокруг глаз, в голубом поло. Даже голос не изменился – все такой же глубокий и спокойный, как у диктора Эн-пи-ар[9 - NPR (англ.) – Национальное общественное радио США.]. Ханна не видела отца и не говорила с ним вот уже почти четыре года.

– Что ты здесь делаешь? – выпалила она.

– Был по делам в Филадельфии, – ответил мистер Марин, причем «по делам» прозвучало немного нервно. Он взялся за кофейную кружку с ручкой в форме добермана – свою кружку, из которой он всегда пил кофе, пока жил с ними. Ханне стало интересно, не рылся ли он в шкафчиках, чтобы ее найти.

– Твоя мама позвонила и рассказала мне об Элисон. Я очень сожалею, Ханна.

– Да, – только и смогла вымолвить Ханна. Голова ее закружилась.

– Хочешь поговорить об этом? – Мама отщипнула кусочек сыра чеддер.

Ханна пришла в замешательство. Отношения между миссис Марин и Ханной больше напоминали общение начальника со стажером, чем матери с дочерью. Эшли Марин из кожи вон лезла, прокладывая путь к руководящим высотам в филадельфийской рекламной фирме «Макманус энд Тейт», и к окружающим относилась, как к своим подчиненным. Ханна и не помнила, когда в последний раз мама заводила с ней задушевные разговоры. Возможно, этого вообще никогда не было.

– М-м, все нормально. Но все равно спасибо, – добавила она с некоторым вызовом.

Можно ли было винить Ханну за такую озлобленность? После того как родители развелись, ее отец переехал в Аннаполис, начал встречаться с женщиной по имени Изабель и обзавелся роскошной квазипадчерицей Кейт. В новой жизни отца не нашлось места для родной дочери, так что Ханна навестила его лишь однажды. Все эти годы отец даже не пытался звонить ей, писать, да и вообще не напоминал о себе. Он даже перестал присылать подарки на день рождения, ограничиваясь денежными чеками.

Отец вздохнул:

- Наверное, сегодня не самый подходящий день для разговоров по душам.

Ханна бросила на него взгляд:

- Разговоров о чем?

Мистер Марин откашлялся:

- Видишь ли, твоя мама позвонила мне и по другой причине. - Он опустил глаза. - Машина.

Ханна нахмурилась. Машина? Что за машина? О боже.

- Мало того, что ты угнала автомобиль мистера Эккарда, - продолжил отец, - ты еще и скрылась с места аварии?

Ханна посмотрела на мать:

- Я думала, там все улажено.

- Ничего не улажено. - Миссис Марин сурово взглянула на нее.

«Соврала, что ли?» - хотела спросить Ханна. Когда копы отпустили ее в субботу, мама загадочно намекнула, что «все уладит», поэтому Ханне нечего было бояться. Загадка разрешилась, когда следующим вечером Ханна застала свою мать и молодого офицера Даррена Вилдена на кухне их дома, где мама как раз и «улаживала» проблему.

- Я серьезно, - сказала миссис Марин, и усмешка померкла на губах Ханны. - Да, полиция согласилась закрыть дело, но это не меняет того, что происходит с тобой, Ханна. Сначала кража в «Тиффани», теперь это. Я не знаю, что делать. Поэтому и позвонила твоему отцу.

Ханна уставилась на тарелку с сыром. От потрясения она не могла смотреть в глаза родителям. Неужели мама рассказала отцу и о том, что ее поймали на краже в бутике «Тиффани»?

Мистер Марин прочистил горло:

– Хотя полиция и замяла дело, мистер Эккард хочет все уладить в частном порядке, без судебного разбирательства.

Ханна прикусила щеку:

– Разве страховая компания не оплачивает такие случаи?

– Дело не совсем в этом, – ответил мистер Марин. – Мистер Эккард обратился с предложением к твоей матери.

– Отец Шона – пластический хирург, – объяснила мать, – но его любимое детище – это реабилитационная клиника для пострадавших от ожогов. Он хочет, чтобы ты явилась туда завтра в половине третьего.

Ханна сморщила нос:

– Почему мы не можем просто дать ему денег?

Зазвонил крошечный мобильник миссис Марин.

– Я думаю, это послужит тебе хорошим уроком. Заодно сделаешь что-нибудь полезное для общества. Чтобы понять, что натворила.

– Но я и так понимаю!

Ханне Марин совсем не хотелось тратить свободное время на ожоговую клинику. Если уж работать волонтером, то почему нельзя выбрать место покруче? Например, в ООН, с Николь и Анджелиной?[10 - Имеются в виду Николь Кидман и Анджелина Джоли – послы доброй воли ООН.]

– Это уже решено, – отрезала миссис Марин и тут же прокричала в трубку: – Карсон? У тебя готовы макеты?

Ханна сжала кулаки, ногти больно впились в ладони. На самом деле ей очень хотелось подняться наверх, переодеться, снять с себя это похоронное платье – неужели из-за него бедра выглядели необъятными или во всем было виновато отражение в стеклянных дверях патио? – освежить макияж, сбросить пару-тройку килограммов и махнуть рюмку водки. А уж потом она бы вернулась и представилась заново.

Когда она взглянула на отца, он еле заметно улыбнулся. У Ханны дрогнуло сердце. Его губы раскрылись, как будто он хотел что-то сказать, но тут зазвонил и его сотовый. Он поднял палец, призывая Ханну задержаться.

– Кейт? – ответил он.

У Ханны внутри все оборвалось. Кейт. Роскошная, безупречная квазипадчерица.

Отец прижал трубку подбородком.

– Привет! Как прошел кросс? – Он выдержал паузу, и его лицо просияло. – Восемнадцать минут? Это потрясающе.

Ханна схватила с тарелки кусок сыра. Когда она приехала в Аннаполис, Кейт даже не смотрела на нее. Вместе с Эли, которая отправилась морально поддержать подругу, они тотчас сформировали касту красавиц, словно отгородившись от Ханны. Это настолько взбесило Ханну, что от злости она умяла все, что было на столе и в радиусе километра – в то время уродливая толстушка, она только и знала, что ела, ела и ела. Когда, едва не лопааясь от обжорства, она схватилась за живот, отец подергал ее за мизинец на ноге и сказал: «Маленькому поросенку не по себе?» И это в присутствии всех. Ханна бросилась в ванную и долго скребла горло зубной щеткой.

Она так и не донесла до рта кусок чеддера. Глубоко вздохнув, она завернула его в салфетку и выбросила в мусорную корзину. Все это осталось в далеком прошлом, когда она была совсем другой Ханной. Той, которую знала только Эли и которую сама Ханна давно похоронила.

3. Где тут записывают в амиши?

[11 - Амиши, аманиты – консервативная секта меннонитов, для которой характерно отрицание технического прогресса и следование традиционному укладу жизни. Названа по имени основателя, священника Якоба Аммана. Основана в 1690 году в Швейцарии. В 1714 году члены секты переселились на территорию современной Пенсильвании.]

Эмили Филдс стояла перед гостиницей «Серая лошадь» – старинным каменным зданием, где в годы Гражданской войны располагался госпиталь. Нынешний хозяин переоборудовал верхние этажи под номера для богатых постояльцев, а внизу открыл органическое кафе. Эмили заглянула в окно и увидела кое-кого из своих одноклассников с родителями – они налегали на рогалики с копченым лососем, прессырованные итальянские сэндвичи и огромные порции салата «Кобб». После поминальной службы все, должно быть, страшно проголодались.

– Ты все-таки пришла.

Быстро обернувшись, Эмили увидела Майю Сен-Жермен, которая стояла у входа, опираясь на терракотовый вазон с пионами. Майя позвонила, когда Эмили отъезжала от качелей, и сказала, что будет ждать ее в кафе. Как и Эмили, Майя по-прежнему была в траурном наряде – короткой черной вельветовой юбке в складку, черных сапогах и черном пуловере без рукавов с нежным кружевом вокруг шеи. Казалось, она тоже выгребла все это скорбное старье из самых глубин шкафа.

Эмили грустно улыбнулась. Сен-Жермены переехали в бывший дом Эли. Когда рабочие начали выкапывать недостроенную беседку ДиЛаурентисов, чтобы возвести на этом месте теннисный корт, под бетонной плитой обнаружили разложившееся тело Эли. С тех пор возле дома круглосуточно дежурили фургоны телевизионщиков, полицейские машины и любопытные зеваки. Семья Майи нашла убежище здесь, в гостинице, где и собиралась пожить, пока не улягутся страсти.

– Привет. – Эмили огляделась по сторонам. – Твои на бранче?[12 - Бранч – поздний завтрак (от англ. breakfast – завтрак, lunch – ланч).]

Майя потрянула жесткими шоколадно-черными кудряшками.

– Нет, уехали в Ланкастер. Побывать на природе, и все такое. Честно говоря, я думаю, они до сих пор в шоке, так что, может быть, сельская жизнь пойдет им на пользу.

Эмили улыбнулась, представляя себе, как родители Майи пытаются найти общий язык с амишами в маленьком городке к западу от Роузвуда.

– Хочешь зайти ко мне в номер? – спросила Майя, вскинув бровь.

Эмили потянула вниз юбку, стесняясь накаченных плаванием ног, и замолчала. Если родители Майи были в отъезде, значит, им предстояло остаться наедине. В комнате. С кроватью.

Знакомство с Майей взволновало Эмили. Она давно тосковала по подруге, которая могла бы заменить Эли. Майя и Эли действительно во многом походили друг на друга – обе бесстрашные и веселые, они единственные во всем мире понимали настоящую Эмили. И еще: они пробуждали в Эмили особые чувства.

– Пойдем. – Майя повернулась к двери. Эмили, так и не решив, чем еще можно заняться, поплелась за ней.

Она поднялась вслед за Майей по скрипучей витой лестнице в номер, оформленный в стиле 1776 года. Эмили уловила запах мокрой шерсти. В комнате с наклонным сосновым полом стояла допотопная двуспальная кровать с балдахином и пестрым лоскутным покрывалом, в углу торчала странная штуковина, чем-то напоминавшая маслобойку. Вот и все убранство.

– Родители поселили нас с братом в отдельных номерах. – Майя присела на кровать, которая отозвалась скрипом.

– Здорово, – ответила Эмили, присаживаясь на краешек шаткого стула, возможно, когда-то принадлежавшего Джорджу Вашингтону.

– Так как же ты? – Майя подалась к ней. – Боже, я видела тебя на похоронах. Ты выглядела... опустошенной.

Светло-карие глаза Эмили наполнились слезами. Она действительно была опустошена утратой. Последние три с половиной года Эмили жила надеждой на то, что однажды Эли объявится на крыльце ее дома, живая и невредимая, излучающая свет и радость. И, когда стали приходить послания от «Э», она поверила в то, что Эли вернулась. Кто еще мог знать ее секреты? Но теперь Эмили уже не сомневалась в том, что Эли ушла. Навсегда. И, словно этого мало, кому-то стал известен ее самый интимный секрет – что она была влюблена в Эли и испытывала такие же чувства к Майе. А может, кто-то знал и правду о том, что они сделали с Дженной.

Эмили корила себя за то, что утаила от своих давних подруг содержание записок «Э». Но она не смогла бы признаться. Ведь среди этих посланий было и любовное письмо, которое она отправила Эли. По злой иронии, она не стеснялась откровенничать с Майей, но боялась рассказать ей об «Э».

– Думаю, я еще не пришла в себя, – наконец ответила она, чувствуя, как подступает головная боль. – И к тому же... я просто устала.

Майя скинула сапоги.

– Почему бы тебе не вздремнуть? Тебе определенно не станет лучше, если ты будешь сидеть на этом пыточном стуле.

Эмили вцепилась в подлокотники.

– Я...

Майя похлопала по кровати.

– Кажется, тебя нужно обнять.

Обнять... Это звучало соблазнительно. Эмили смахнула с лица пряди рыжеватых волос и села на кровать рядом с Майей, прижавшись к ней всем телом. Она чувствовала ребра Майи, проступавшие сквозь ткань пуловера. Майя казалась такой маленькой и хрупкой, что Эмили могла бы взять ее на руки и закружить.

Они отстранились друг от друга, их лица разделяло всего несколько сантиметров. В глазах Майи, обрамленных угольно-черными ресницами, мерцали золотистые искорки. Медленно Майя приподняла подбородок Эли и поцеловала ее. Сначала нежно. Потом поцелуй стал глубже.

Эмили почувствовала знакомый прилив волнения, когда рука Майи легла на подол ее юбки и вдруг скользнула под ткань. Ошеломленная прикосновением холодных пальцев, Эмили тотчас открыла глаза и отодвинулась.

Кружевные белые занавески на окне комнаты были отдернуты, и Эмили могла разглядеть «Эскалады», «Мерседесы» и «Лексусы» на парковке гостиницы. Ее одноклассницы Сара Айлинг и Тэрин Орт вышли из ресторана вместе со своими родителями. Эмили пригнулась.

Майя выпрямилась:

- Что-то не так?

- Что ты делаешь? - Эмили накрыла рукой задранную юбку.

- А что, по-твоему, я делаю? - усмехнулась Майя.

Эмили снова выглянула в окно. Сара и Тэрин уже уехали.

Майя заерзала на скрипучей кровати.

- Ты знаешь, что в эту субботу намечается благотворительная вечеринка «Фокси»?

- Да. - Эмили казалось, что у нее пульсировало все тело.

- Думаю, нам надо сходить, - сказала Майя. - Похоже, там будет весело.

Эмили нахмурилась:

- Билеты по двести пятьдесят долларов. И нужно иметь приглашение.

– Мой братец выиграл кучу билетов. Нам с тобой точно хватит. – Майя осторожно придвинулась к Эмили. – Будешь моей парой?

Эмили соскочила с кровати.

– Я... – Она попятилась назад, спотыкаясь о скользкий вязаный коврик. Молодежь из роузвудской школы с удовольствием ходила на «Фокси». Самые крутые ребята и девчонки, спортсмены... все. – Мне надо в туалет.

Майя пришла в замешательство:

– Это там.

Эмили закрыла за собой перекошенную дверь ванной. Она села на унитаз и уставилась на эстамп с изображением женщины-амиша в чепце и длинном платье. А что, если это знак? Эмили всегда искала знаки – в гороскопах, печенье с предсказанием и случайных вещицах вроде этого эстампа, – они помогали ей принимать решения. Может быть, картинка хотела подсказать ей: «Будь как амиши»? В самом деле, им же удавалось хранить невинность? Вести аскетический образ жизни? И не они ли сжигали на костре девушек, которым по вкусу однополая любовь?

И тут зазвонил ее сотовый телефон.

Эмили достала его из кармана, уверенная в том, что это мама с проверкой. Миссис Филдс была совсем не в восторге от того, что Эмили подружилась с Майей, – и все из-за своих расистских предрассудков. Представить только, что было бы, узнай она о том, чем они сейчас занимались.

«Нокия» мигнула, подавая сигнал о новом текстовом сообщении. Эмили нажала «ЧИТАТЬ».

Эм! Вижу, ты все так же «развлекаешься» с лучшими подругами. Хотя многие из нас преобразились до неузнаваемости, приятно сознавать, что ты осталась прежней! Сама расскажешь всем о своей новой пассии? Или мне это сделать? – Э.

- Нет, - прошептала Эмили.

Какой-то свистящий звук вдруг раздался у нее за спиной. Она подпрыгнула, больно ударившись бедром о раковину, но вскоре поняла, что это всего лишь спустили воду в унитазе за стенкой. Послышались смешки и шепот. Звуки доносились как будто из стока раковины.

- Эмили? - позвала ее Майя. - Все в порядке?

- Э-э... да, все хорошо, - хрипло отозвалась Эмили. Она уставилась на свое отражение в зеркале. Широко распахнутые глаза казались пустыми, рыжеватые волосы растрепались. Когда она наконец вышла из ванной, в комнате с опущенными жалюзи царил полумрак.

- Тс-с, - позвала Майя с кровати. Она лежала на боку в весьма соблазнительной позе.

Эмили огляделась. Она почти не сомневалась в том, что Майя даже не догадалась запереть дверь. А ведь там, внизу, сидели роузвудские школьники со своими родителями...

- Я не могу этого сделать, - выпалила Эмили.

- Что? - Ослепительно белые зубы Майи сверкнули в темноте.

- Мы с тобой подруги. - Эмили приклеилась к стенке. - Ты мне нравишься.

- Ты мне тоже нравишься. - Майя погладила себя по голой руке.

- Но это все, что я могу предложить прямо сейчас, - пояснила Эмили. - Дружбу.

Улыбка Майи растворилась в воздухе.

- Извини. - Эмили наспех обулась, перепутав правый и левый мокасины.

- Но это не значит, что ты должна уйти, - тихо сказала Майя.

Уже взявшись за ручку двери, Эмили обернулась и посмотрела на нее. Глаза привыкли к темноте, и она увидела, что Майя выглядела разочарованной, растерянной и – красивой.

– Я должна идти, – пробормотала Эмили. – Опаздываю.

– Опаздываешь куда?

Эмили не ответила. Она толкнула дверь. Как она и думала, Майя не побеспокоилась о том, чтобы запереть комнату.

4. Истина в вине... или в пиве

Квадратный, в авангардном стиле, дом Монтгомери особенно выделялся среди неоклассических викторианских особняков, выстроившихся вдоль улицы. Ария осторожно шмыгнула в дверь. Из кухни доносился тихий разговор родителей.

– Но я не понимаю, – говорила ее мать Элла. Родители Арии предпочитали, чтобы дети называли их по именам. – На прошлой неделе ты сказал, что выкроишь время для ужина в галерее. Это важно. Джейсон мог бы купить некоторые картины из тех, что я написала в Рейкьявике.

– Пойми, я и так отстаю с проверкой письменных работ, – ответил отец, Байрон. – Никак не могу войти в график.

Элла вздохнула:

– Откуда, интересно, взялись письменные работы, если у тебя было всего два учебных дня?

– Я дал им первое задание еще до начала семестра. – Голос Байрона прозвучал смущенно. – Но я искуплю свою вину, обещаю. Как насчет ужина в «Отто»? В субботу?

Ария неловко топталась в прихожей. Семья Монтгомери недавно вернулась из Исландии – два года они жили в Рейкьявике, где ее отец, профессор-искусствовед гуманитарного колледжа Холлис, находился в творческом отпуске. Эта поездка стала идеальной передышкой для каждого из них – Арии не терпелось сменить обстановку после исчезновения Эли, ее брату Майку не мешало поднабраться культуры и дисциплины, а Элла и Байрон, в последнее время охладевшие друг к другу, в Исландии заново почувствовали себя молодоженами. Но теперь, дома, все постепенно возвращалось на круги своя.

Ария прошла мимо кухни. Отец уже ушел, а мама стояла у стола, обхватив голову руками. Увидев Арию, она просияла.

– Как ты, милая? – робко спросила Элла, кивая на похоронную открытку, полученную от организаторов поминальной службы.

– Все в порядке, – пробормотала Ария.

– Хочешь поговорить?

Ария покачала головой:

– Потом, ладно?

Она скрылась в гостиной, взбудораженная и растерянная, как будто выпила банок шесть энергетика. И дело было не только в похоронах Эли.

Скорее, ее выбили из колеи послания от «Э» с намеком на один из сокровенных секретов: в седьмом классе Ария застучала своего отца в объятиях студентки Мередит. Байрон попросил Арию не говорить матери, и девушка хранила молчание, хотя и чувствовала себя виноватой. Когда «Э» пригрозил рассказать Элле жестокую правду, Ария предположила, что «Э» и есть Элисон. Эли тоже стала свидетельницей свидания Байрона с Мередит, а никому другому Ария об этом не рассказывала.

И вот теперь Ария знала, что «Э» – вовсе не Элисон, но угроза никуда не исчезла и снова обещала разрушить семью Монтгомери. Ария понимала, что должна была рассказать Элле правду, прежде чем до нее доберется «Э», но никак

не могла собраться с духом.

Нервно теребя длинные черные волосы, Ария вышла на заднее крыльцо. Белая вспышка пронеслась у нее перед глазами. Братец Майк гонял по двору с клюшкой для лакросса.

– Эй, – позвала она. У нее родилась идея. Когда Майк не ответил, она вышла на лужайку и встала у него на пути. – Я еду в центр. Хочешь со мной?

Майк скорчил гримасу:

– Там полно грязных хиппи. К тому же я тренируюсь.

Ария закатила глаза. Одержимый желанием попасть в сборную по лакроссу, ее брат даже не удосужился переодеться после поминальной службы и отрабатывал дриблинг в темно-сером выходном костюме. Майк, истинное дитя Роузвуда, носил грязно-белую бейсболку, был помешан на игровых приставках и копил деньги на темно-зеленый джип «Чероки» к шестнадцатилетию. При этом их кровное родство не вызывало ни малейших сомнений: Ария и ее брат – оба высокие, с иссиня-черными волосами и незабываемыми угловатыми лицами – выделялись в толпе.

– Имей в виду, я собираюсь выпить, – сказала она. – Ты уверен, что хочешь тренироваться?

Майк прищурил серовато-голубые глаза, переваривая информацию:

– Это не подстава? Ты не затащишь меня на поэтические чтения?

Она покачала головой:

– Мы пойдем в самый отвязный студенческий бар, какой только найдем.

Майк пожал плечами и отложил клюшку.

– Ладно, поехали, – сказал он.

Майк занял столик в кабинке.

– Клевое местечко.

«Виктори Брюери» – самый лихой бар, какой они только смогли найти, – приютился между салоном пирсинга и магазином «Цыганский хиппи», где торговали «всякой гидропоникой»[13 - Гидропоника – способ выращивания растений на искусственных средах, при котором растение своими корнями не посажено в землю, а находится в воде со специальными растворами, либо в очень влажной пористой среде.] (тут следует подмигнуть). На тротуаре перед входом растекалось пятно блевотины, и нетрезвый вышибала, увлеченный картинками в журнале «Даб»[14 - Dub (англ.) – американский журнал о городских автомобилях и знаменитостях за рулем.], без вопросов пропустил их. Внутри бар оказался темной и грязной помойкой с выцветшим столом для пинг-понга в дальнем углу. Заведение очень напоминало «Снукерс», еще один студенческий бар в Холлисе, но Ария поклялась, что в «Снукерс» она больше ни ногой. Пару недель назад она познакомилась там с сексуальным парнем по имени Эзра, который оказался не кем иным, как учителем английского языка и литературы – ее учителем. «Э» посылал Арии насмешливые сообщения, намекающие на роман с преподом, и, когда Эзра случайно открыл одно из них, он решил, что Ария разболтала всей школе об их отношениях. Так и закончился школьный роман Арии.

Официантка с весьма выдающимися формами и косичками Хейди[15 - Хейди – героиня детских книжек. Косы укладывают в полувенок, как корону или ободок.] подошла к их столику и подозрительно посмотрела на Майка:

– Тебе есть двадцать один?

– О да, – сказал Майк, скрестив руки на столе. – На самом деле мне двадцать пять.

– Нам питчер[16 - Питчер – большой кувшин пива.] «Амстел», – перебила Ария, пнув Майка ногой под столом.

– Да, и мне шот, – добавил Майк. – «Егера»[17 - «Егермейстер» – популярный немецкий крепкий ликер, настоянный на травах.].

Официантка изобразила на лице страдание, но вернулась с кувшином и шотом. Майк выпил напиток залпом и сморщился, как девчонка. Со стуком поставив рюмку на деревянный стол, он уставился на сестру.

– Кажется, я разгадал, почему ты стала такой чокнутой. – На прошлой неделе Майк обратил внимание на то, что Ария вела себя еще более странно, чем обычно, и поклялся выяснить, в чем дело.

– До смерти хочется узнать, – сухо сказала Ария.

Майк сложил пальцы домиком, повторяя профессорский жест отца.

– Я думаю, что ты втайне от всех танцуешь в «Турбулентности».

Ария прыснула от смеха, и пиво хлынуло через нос. «Турбулентность» – так назывался стриптиз-клуб в одном из соседних городков вблизи аэропорта.

– Ребята сказали, что видели, как туда заходила девчонка, вылитая ты, – объяснил Майк. – Можешь не таиться от меня. Я – могила.

Ария украдкой поправила мохеровый бюстгальтер. Она связала такие же для Эли и подружек еще в шестом классе, и сегодня надела свой в память об Элисон. К сожалению, в шестом классе грудь у Арии была на размер меньше, и теперь мохер вызывал нестерпимый зуд.

– Значит, по-твоему, я веду себя странно вовсе не потому, что: а) мы вернулись в ненавистный мне Роузвуд и б) моя лучшая подруга мертва?

Майк пожал плечами.

– Мне казалось, ты была не в восторге от этой девчонки.

Ария отвела взгляд. Да, действительно порой Эли просто бесила ее. Особенно когда не принимала Арию всерьез или доставала, выведывая подробности о Байроне и Мередит.

- Это не так, - солгала она.

Майк подлил себе еще пива.

- А правду говорят, что ее зарыли в землю? А потом еще залили сверху бетоном?

Ария вздрогнула и закрыла глаза. Братец никогда не отличался тактом.

- Так ты думаешь, кто-то убил ее? - спросил Майк.

Ария пожала плечами. Этот вопрос мучил ее, хотя никто еще не задал его вслух. На поминальной службе не упоминали о том, что Эли убили, говорили только, что ее тело найдено. Но чем еще это могло быть, если не убийством? Ария снова вспомнила ту злосчастную вечеринку с ночевкой: вот Эли сидит среди них, а в следующее мгновение - исчезает. И спустя три года ее тело находят в яме на заднем дворе дома.

Ария все гадала, нет ли связи между «Э» и убийцей Эли. И не имеет ли это отношение к истории с Дженной? Когда случился пожар, Арии показалось, что она увидела у дерева кого-то еще, помимо Эли. В ту ночь Ария испуганно проснулась, оттого что ей приснилась эта картинка, и решила, что надо расспросить Эли. Она нашла Эли и Спенсер в ванной, где они шептались за закрытой дверью, но, когда Ария попросила впустить ее, Эли приказала ей вернуться в постель. К утру Тоби уже сделал признание.

- Могу поспорить, убийца наверняка из тех, на кого в жизни не подумаешь, - сказал Майк. В его глазах зажегся огонек азарта. - Как насчет миссис Крейкрофт?

Миссис Крейкрофт, их соседка, прославилась тем, что скопила монет на пять тысяч долларов в бутылках из-под минеральной воды и попыталась обменять их на банкноты в ближайшем отделении «Койнстар»[18 - «Койнстар» - оператор на рынке финансовых услуг частным лицам среди небанковских учреждений.]. Предприимчивая старушка даже стала героиней сюжета местного телеканала.

- Bravo, ты раскрыл дело, - невозмутимо произнесла Ария.

– В общем, кто-то в этом роде. – Майк забарабанил по столу костяшками пальцев. – Теперь, зная, что творится с тобой, я могу сосредоточиться на разгадке убийства Эли Д.

– Вперед. – Раз уж копам не хватило сноровки по горячим следам отыскать Эли во дворе ее собственного дома, с таким же успехом и Майк мог взяться за поиски.

– Думаю, нам пора сыграть в пиво-понг[19 - Пиво-понг – алкогольная игра, в которой игроки бросают мяч для пинг-понга через стол, стремясь попасть им в кружку или стакан с пивом, стоящий на другом конце этого стола.], – сказал Майк и, прежде чем Ария успела возразить, собрал несколько шариков для пинг-понга и налил пива в свой стакан. – Любимая игра Ноэля Кана.

Ария ухмыльнулась. Богатенький сынок, элита роузвудской школы, Ноэль Кан предсказуемо стал кумиром Майка. По иронии судьбы Ноэль положил глаз на Арию, что ее вовсе не радовало.

– Пожелай мне удачи, – сказал Майк, прицеливаясь. Удар оказался неточным, и шарик скатился на пол.

– Выпей с горя, – монотонно произнесла Ария.

Майк схватил стакан с пивом и осушил его. Затем он повторил попытку, целясь в стакан Арии, но снова не попал.

– Мазила! – поддразнила Ария. От пива ее уже немного развезло.

– Кто бы говорил, – огрызнулся Майк.

– Хочешь на спор?

Майк фыркнул:

– Если промажешь, ведешь меня в «Турбулентность». Меня и Ноэля. Но только не в те дни, когда ты там работаешь, – поспешил добавить он.

– А если попаду, ты на неделю становишься моим рабом. И в школе тоже.

– Заметано, – сказал Майк. – Ты все равно облажаешься, так что это не имеет значения.

Она подвинула стакан к краю стола и прицелилась. Шарик поскакал по щербатой столешнице и угодил прямо в пиво, даже не коснувшись стенок стакана.

– Ха! – воскликнула Ария. – Ну, ты попал!

Майк выглядел ошеломленным:

– Тебе просто повезло.

– Да какая разница! – Ария злорадно хихикнула. – Вот я думаю... может, заставить тебя ползать за мной на четвереньках по школе? Или нацепить на тебя мамин фальдюр? – Она хихикнула. Фальдюр Эллы, исландский национальный головной убор вроде колпака, придавал надевшему его сходство с чудаковатым эльфом.

– Да иди ты. – Майк достал из стакана шарик, но тот выскользнул из его рук и отпрыгнул в сторону.

– Я подниму, – сказала Ария и встала из-за стола, ощущая приятное опьянение. Шарик покатился к стойке бара, и Ария, нагнувшись, последовала за ним. Мимо нее проскочила парочка, которая устремилась к дальнему столику в углу. Ария заметила, что у девушки длинные темные волосы и розовая татуировка в виде паутины на запястье.

Знакомая татуировка. Очень знакомая. Когда девушка что-то прошептала на ухо своему спутнику, тот зашелся в кашле. Ария выпрямилась.

Отец. И Мередит.

Ария бросилась обратно к Майку:

– Идем отсюда.

Майк закатил глаза.

– Но я только что заказал еще один «Егер».

– Очень жаль. – Ария схватила куртку. – Мы уходим. Сейчас же.

Она швырнула сорок баксов на стол и потянула Майка за руку. Его слегка шатало, но ей удалось дотолкать брата до двери.

К несчастью, Байрон именно в этот момент позволил себе рассмеяться своим фирменным смехом – Ария называла его плачем умирающего кита. Майк замер, услышав знакомый голос. Отец сидел боком к ним, накрывая ладонями руки Мередит.

Ария наблюдала за Майком. Он нахмурился.

– Подожди, – буркнул он, смущенно поглядывая на Арию. Ей очень хотелось сохранить невозмутимое выражение лица, но она чувствовала, что уголки рта уже поползли вниз. Ария знала, что похожа сейчас на Эллу – маму тоже выдавал рот, когда она пыталась оградить детей от неприятностей.

Майк с прищуром посмотрел на нее, потом оглянулся на отца и Мередит. Он открыл рот, собираясь что-то сказать, но передумал и шагнул в их сторону. Ария удержала его – еще не хватало устраивать сцену прямо здесь. Она вообще не хотела никаких сцен. Но тут Майк стиснул зубы, отвернулся от отца и пулей выскочил из бара, чуть не сбив с ног официантку.

Ария поспешила за ним. Она прищурилась от яркого послеполуденного солнца, выискивая глазами брата. Но Майк исчез.

5. Один дом и два лагеря

Спенсер очнулась на полу ванной комнаты, понятия не имея, как здесь оказалась. Радиочасы в душевой кабинке показывали 6:45, и за окном вечернее солнце отбрасывало длинные тени. Медленно тянулся понедельник, день похорон Эли. Должно быть, Спенсер заснула и бродила во сне. Когда-то она страдала хроническим лунатизмом – болезнь зашла так далеко, что в седьмом классе ей пришлось провести ночь в сомнологической[20 - Сомнология – раздел медицины и нейробиологии, посвященный исследованиям сна, расстройств сна, их лечению и влиянию на здоровье человека.] клинике Пенсильванского университета с подключенными к мозгу электродами. Врачи объяснили тогда, что все это последствия стресса.

Она встала и умылась холодной водой из-под крана, оглядывая себя в зеркале: длинные светлые волосы, изумрудно-зеленые глаза, острый подбородок. Безупречная кожа, ослепительно белые зубы. Казалось нелепостью, что выглядела она вовсе не той развалиной, какой себя чувствовала.

В голове снова ожили надоедливые мысли: «Э» известно про Тоби и Дженну. Тоби вернулся. Значит, он и есть «Э». И не случайно он предупреждал Спенсер, чтобы она держала язык за зубами. пытка, длившаяся с шестого класса, продолжалась.

Она вернулась к себе в комнату и прижалась лбом к оконному стеклу. Слева виднелась семейная ветряная мельница – она уже давно не работала, но родителям нравилось, что она придает их владениям аутентичный деревенский вид. Справа пестрела полицейская лента, огораживавшая задний двор дома ДиЛаурентисов. Мемориал Эли из цветов, свечей, фотографий и памятных безделушек разросся вдоль всей обочины.

А напротив стоял дом Кавано. Две машины на подъездной аллее, баскетбольная площадка во дворе, красный флажок над почтовым ящиком. Со стороны все было привычно и мирно. Но внутри...

Спенсер закрыла глаза, вспоминая май седьмого класса, когда прошел год после катастрофы с Дженной. Она ехала на электричке в Филадельфию, чтобы встретиться с Эли и пройтись по магазинам. Всю дорогу она строчила сообщения, переписываясь с Эли, и не сразу заметила, кто сидел в соседнем ряду. Тоби. Он неотрывно смотрел на нее.

У нее затряслись руки. Тоби весь год учился в школе-интернате, так что Спенсер давно его не видела. С падающей на глаза челкой, в огромных наушниках, он как будто и не изменился, но в тот день, как ей показалось, выглядел сильным. И опасным.

Чувство вины и тревоги, рожденное трагедией Дженны, все, что Спенсер пыталась похоронить, прорвалось наружу. «Я тебя достану». Ей захотелось сбежать из вагона, исчезнуть. Она выставила ногу в проход, но тут прямо перед ней возник кондуктор.

– Вы следуете до Тридцатой улицы или до Восточного рынка? – раздался его зычный голос.

Спенсер вжалась в сиденье.

– До Тридцатой, – прошептала она.

Когда кондуктор прошел дальше, она снова взглянула на Тоби. Тот расплылся в широкой зловещей улыбке, но уже в следующее мгновение выражение лица его стало бесстрастным, только в глазах читалось: «Вы. У меня. Дождетесь».

Спенсер вскочила с места и перешла в другой вагон. Эли ждала ее на платформе у Тридцатой улицы, и, когда они оглянулись на поезд, Тоби смотрел прямо на них.

– Вижу, кое-кого выпустили из мини-тюрьмы, – ухмыльнулась Эли.

– Да. – Спенсер попыталась отшутиться. – И он по-прежнему неудачник с большой буквы Н.

Но спустя несколько недель Эли пропала. И стало совсем не смешно.

Свисток компьютера заставил Спенсер вздрогнуть. Она установила новый сигнал оповещения о входящей почте. Взволнованная, она подошла к монитору и кликнула два раза, открывая новое сообщение.

Привет, любимая. Не говорил с тобой вот уже два дня, скучаю и схожу с ума. – Рен.

Спенсер вздохнула, охваченная нервным трепетом. Как только она увидела Рена – сестра привела его на семейный обед, чтобы познакомить с родителями, – с ней произошло что-то необъяснимое. Он словно околдовал ее, когда сел за столик в ресторане «Мошулу», глотнул красного вина и встретился с ней глазами. Британец с экзотической внешностью, остроумный и интеллектуальный, он, как оказалось, разделял и ее музыкальные вкусы. Ему нравились те же инди-группы, что и Спенсер. И он совершенно не подходил ее пресной, чопорной и безупречной сестре Мелиссе. Зато был создан для Спенсер. Она это знала... Как, впрочем, и он.

Прежде чем Мелисса застучала их в пятницу вечером, они с Реном познали незабываемые двадцать минут страсти. Но, поскольку Мелисса пожаловалась, а родители всегда принимали ее сторону, Спенсер строго-настрого запретили видеться с Реном. Она тоже безумно по нему скучала, но что было делать?

Еще заспанная, растерянная, она спустилась по лестнице и прошла через длинную узкую галерею, где мама развесила пейзажи Томаса Коула[21 - Томас Коул (1801–1848) – американский пейзажист, глава Гудзонской школы.], унаследованные от деда. Она остановилась на пороге просторной кухни. Родители восстановили ее в первоначальном виде, какой она была в 1800-х годах, разве что столешницы да ультрасовременная бытовая техника выбивались из общего стиля. Сейчас семейство собралось за кухонным столом, сервированным блюдами на вынос из тайского ресторана.

Спенсер неловко топталась в дверях. Все эти дни она не общалась с родными и даже на похороны Эли уехала одна, а после поминальной службы видела их лишь мельком. Собственно, в последний раз родители разговаривали с ней пару дней назад, когда отчитывали ее за Рена, и вот теперь они снова демонстрировали презрение, даже не позвав ее к столу. А между тем за ужином был гость. На ее месте сидел Йен Томас, бывший парень Мелиссы – и первый среди ухажеров сестры, кого поцеловала Спенсер.

– О, – вырвалось у Спенсер.

Йен, единственный из всех, поднял взгляд.

– Привет, Спенс! Как дела? – непринужденно спросил он, как если бы каждый день ужинал у Хастингсов. Спенсер и так чувствовала себя неловко оттого, что Йен тренировал школьную команду по хоккею на траве, но его появление в их доме перешло все границы.

– М-м... прекрасно, – сказала Спенсер, украдкой поглядывая на родителей и сестру, но никто не смотрел на нее и уж тем более не объяснял, с чего вдруг Йен лакомился тайской кухней у них дома. Спенсер подставила стул с угла и стала накладывать себе на тарелку курицу с лимонграссом. – Йен, так ты, значит, ужинаешь с нами?

Миссис Хастингс строго посмотрела на нее. Спенсер прикусила язычок. Ее захлестнуло горячее и липкое чувство стыда.

– Мы столкнулись на... м-м... поминальной службе, – объяснил Йен.

Его прервал вой сирены, и Йен отложил вилку. Звук, похоже, доносился со стороны дома ДиЛаурентисов. Полицейские машины дежурили там круглосуточно.

– От такого соседства и свихнуться недолго, а? – Йен пробежал пальцами по светлым вьющимся волосам. – Я и не думал, что здесь до сих пор торчат копы.

Мелисса подтолкнула его локтем.

– У тебя там, в криминальной Калифорнии, не было стычек с полицией? – Мелисса и Йен расстались, когда он уехал на другой конец страны поступать в колледж Беркли.

– Не-а, – сказал Йен.

Прежде чем он смог продолжить, Мелисса в свойственной ей манере переключилась на себя. Она повернулась к миссис Хастингс:

– Так вот, мам, цветы на службе были точно такого цвета, в какой я хочу покрасить стены гостиной.

Мелисса потянулась за журналом «Марта Стюарт ливинг»[22 - «Марта Стюарт ливинг» – женский журнал, основанный Мартой Хелен Стюарт – американской бизнесвумен, телеведущей и писательницей, получившей известность и состояние благодаря советам по домоводству.] и открыла его на отмеченной странице. Она только и говорила, что о ремонте своего нового дома; родители купили ей таунхаус в Филадельфии в награду за поступление в Уортонскую школу бизнеса Пенсильванского университета. Спенсер таких щедрых подарков никогда не делали.

Миссис Хастингс склонилась к ней, заглядывая в журнал:

– Мило.

– В самом деле, здорово, – согласился Йен.

У Спенсер вырвался недоверчивый смешок. Сегодня прошла панихида по Элисон ДиЛаурентис, а они как ни в чем не бывало обсуждали цвет стен в гостиной?

Мелисса повернулась к Спенсер:

– Что это было?

– М-м... я хочу сказать... – пролепетала Спенсер. Мелисса выглядела обиженной, как будто Спенсер задела ее своей грубостью. Она нервно крутила в руке вилку. – Забудь.

Снова повисло молчание. Казалось, даже Йен уже побаивался ее острого язычка. Отец сделал щедрый глоток вина.

– Вероника, ты видела там Лиз?

– Да, и даже поговорила с ней, – ответила мама. – По мне, так она выглядела сногшибательно... учитывая обстоятельства.

Спенсер предположила, что родители говорили об Элизабет ДиЛаурентис, моложавой тетушке Эли, жившей неподалеку.

– Должно быть, это ужасный удар для нее, – торжественно произнесла Мелисса. – Даже не могу себе представить.

Йен что-то промычал, выражая участие. Спенсер почувствовала, как задрожала ее нижняя губа. «Послушайте, а как насчет меня? – хотелось крикнуть ей. – Вы часом не забыли? Я была лучшей подругой Эли!»

С каждой минутой Спенсер все сильнее чувствовала себя лишней за этим столом. Она ждала, что кто-нибудь спросит, как она справляется с горем, предложит ей кусочек темпуры[23 - Темпура – блюдо из рыбы, морепродуктов или овощей; порезанные на кусочки продукты обмакивают в кляр, а затем жарят в кипящем масле.] или хотя бы скажет «Будь здорова» в ответ на чих. Но они по-прежнему наказывали ее за то, что она целовалась с Реном. Даже сегодня, в столь скорбный день.

Ком подступил к горлу. Она привыкла быть всеобщей любимицей: учителей, тренеров по хоккею, редактора школьного ежегодника. Даже личный парикмахер Ури называл Спенсер любимой клиенткой, потому что ее волосы замечательно впитывали краску. Она выиграла тонны школьных наград, в «Майспэйс» у нее насчитывалось 370 друзей, и это не включая музыкантов. И пусть она не была любимицей родителей – затмить Мелиссу вряд ли представлялось возможным, – но мысль о том, что они ее ненавидели, была невыносимой. Тем более сейчас, когда все в ее жизни казалось таким шатким.

Йен извинился и вышел из-за стола, чтобы сделать телефонный звонок. Спенсер глубоко вздохнула.

– Мелисса? – Ее голос дрогнул.

Мелисса подняла голову, но тотчас опять уткнулась в тарелку, продолжая ковырять тайскую стряпню.

Спенсер прочистила горло:

– Пожалуйста, поговори со мной?

Мелисса еле заметно пожала плечами.

– Я хочу сказать, я не могу... Мне больно оттого, что ты ненавидишь меня. Ты совершенно права. Насчет... сама знаешь. – У Спенсер так тряслись руки, что пришлось зажать ладони между ног. Она нервничала от такого унижения.

Мелисса коснулась обложки журнала.

– Извини, – сказала она. – Это не обсуждается.

Она встала из-за стола и понесла свою тарелку к раковине.

– Но... – Спенсер едва не задохнулась от возмущения. Она перевела взгляд на родителей. – Мне очень жаль, правда... – Она почувствовала, как слезы закипают в глазах.

Что-то промелькнуло в лице отца, какой-то проблеск сочувствия, но он тотчас отвернулся. Мама, невозмутимо выкладывая кусочки курицы с лемонграссом в пластиковый контейнер, пожала плечами.

– Ты сама устроила себе веселую жизнь, Спенсер, – сказала она, убирая остатки ужина в массивный холодильник из нержавеющей стали.

– Но...

– Спенсер, – произнес мистер Хастингс тоном, не терпящим возражений.

Спенсер зажала рот рукой. Йен вернулся на кухню с глуповатой улыбкой на лице. Он почувствовал напряженную атмосферу, и улыбка завяла.

– Идем. – Мелисса взяла его за руку. – Десерт съедим в городе.

– Конечно. – Йен хлопнул Спенсер по плечу. – Спенс? Хочешь с нами?

Спенсер не очень-то хотелось – да и Мелиссе тоже, судя по тому, как она подтолкнула юношу к двери, – но ей все равно не дали слова. Миссис Хастингс поспешно произнесла:

– Нет, Йен, Спенсер останется без десерта. – В такой же манере она обычно отчитывала собак.

– Но все равно спасибо, – сказала Спенсер, сглатывая слезы. Чтобы хоть как-то отвлечься, она сунула в рот кусок манго в соусе карри. Он проскочил внутрь, прежде чем она сглотнула, и густой соус обжег горло. Она долго и громко откашливалась и наконец выплюнула все в салфетку. Когда в глазах прояснилось, она увидела, что рядом никого не было. Родители даже не обеспокоились тем, что она может задохнуться, и просто ушли с кухни.

Спенсер вытерла слезы и уставилась на противный кусок сморщенного манго в салфетке. Он выглядел в точности так же, как она себя чувствовала.

6. Несладкая доля волонтера

Во вторник днем Ханна, переодевшись после школы в футболку сливочного цвета и мешковатый кашемировый кардиган, решительно поднялась по ступенькам к двери клиники пластической хирургии и послеожоговой реабилитации. Те, кто лечился здесь от ожогов, называли клинику «Уильям Атлантик». Для тех, кто приходил сюда на липосакцию, привычнее было название «Билл Бич».

Здание клиники стояло в глубине леса, и сквозь кроны величественных деревьев проглядывал лишь кусочек голубого неба. В воздухе разливался аромат диких цветов. В такой дивный денек ранней осени Ханна предпочла бы развалиться у бассейна в загородном клубе и смотреть, как парни играют в теннис. Или устроить многокилометровую пробежку, чтобы сбросить жирок, накопленный за ночь, пока она заедала чипсами волнение, вызванное неожиданным визитом отца. А то и просто понаблюдать за муравейником или присмотреть за соседскими шестилетними двойняшками-сорванцами. Да чем ни займись – все было лучше вынужденного волонтерства в ожоговой клинике.

Для Ханны волонтерство было сродни ругательству. В последний раз она занималась этой ерундой в седьмом классе, когда они устроили благотворительный показ мод в роузвудской школе. Девчонки нарядились

в дизайнерские шмотки и дефилировали по сцене; зрители делали ставки на их наряды, и вырученные деньги шли в благотворительный фонд. Эли щеголяла в роскошном платье от «Кельвин Кляйн», и какая-то худющая вдовушка взвинтила на него цену аж до тысячи долларов. Ханна надела чудовищное платье от «Бетси Джонсон» – неонового цвета, с оборками, – в котором выглядела еще толще. Единственным, кто поставил на ее наряд, оказался ее родной отец. Неделю спустя родители объявили о разводе.

И вот теперь отец вернулся. Вроде того.

Когда Ханна вспоминала вчерашнее появление отца, на нее разом накатывали головокружение, тревога и злость. С момента своего чудесного преображения она мечтала о встрече с отцом и воображала, как предстанет перед ним – стройная, популярная, уверенная в себе. В ее мечтах он всегда возвращался вместе с Кейт, располневшей и прыщавой, и на ее фоне Ханна выглядела еще краше.

– Эй, полегче! – крикнула она, когда кто-то резко распахнул дверь, едва не заехав ей по лбу.

– Смотреть надо, – услышала она в ответ.

И тут Ханна подняла взгляд. Она стояла у распашных стеклянных дверей рядом с каменной пепельницей и большим вазоном с примулой. Из клиники вышла Мона.

У Ханны отвисла челюсть. Такое же удивленное выражение промелькнуло на лице Моны. Какое-то мгновение девушки разглядывали друг друга.

– Что ты здесь делаешь? – спросила Ханна.

– Навещала мамину подругу. Она сиськи сделала. – Мона перекинула через веснушчатое плечо прядь белокурых волос. – А ты?

– М-м, та же история. – Ханна недоверчиво взглянула на Мону. Встроенный детектор лжи подсказывал, что Мона привирала. Впрочем, и Мона могла заподозрить обман с ее стороны.

– Ладно, я пошла. – Мона затеребила ручки бордовой сумки-тоут. – Позвоню.

– Хорошо, – хрипло произнесла Ханна. Они разошлись в разные стороны. Ханна обернулась и посмотрела на Мону, убедившись в том, что и Мона тоже поглядывала на нее через плечо.

– А теперь – внимание, – сказала Ингрид, дородная, деловитая старшая медсестра-немка. В смотровом кабинете она учила Ханну чистить мусорные ведра. Подумаешь, премудрость какая!

На стенах кабинета, окрашенных в зеленый цвет гуакамолы, висели зловещие плакаты на тему кожных болезней. Ингрид поручила Ханне уборку палат амбулаторного отделения; со временем, если Ханна справится, ей могли доверить палаты стационара, где лежали пациенты с серьезными ожогами. Слава богу, до этого пока не дошло.

Ингрид вытащила из ведра мешок с мусором.

– Это идет в синий контейнер на заднем дворе. И еще ты должна убирать инфекционный мусор. – Она жестом показала на точно такое же ведро. – Такой мусор всегда собирается отдельно. Да, и обязательно надень это. – Она протянула Ханне пару латексных перчаток. Ханна посмотрела на них так, словно они уже были заразны.

Ингрид вывела ее в коридор.

– Здесь еще десять палат, – объяснила она. – Очистишь мусорные ведра, протрешь везде тумбочки, потом найдешь меня.

Зажав нос – ее тошнило от больничных запахов, – Ханна направилась в кладовку за мешками для мусора. Она оглядела коридор, пытаясь угадать, где находились палаты стационара. Дженна ведь тоже лежала в этом отделении. Слишком многое напоминало о Дженне в последние дни, хоть она и гнала от себя непрощенные мысли. Но одно не давало покоя – сознание того, что кто-то знал эту историю и мог рассказать.

Да, возможно, Дженна стала жертвой несчастного случая, однако Ханна все чаще задумывалась о том, что это было не совсем так. Эли придумала Дженне прозвище: Белоснежка, как в мультике, потому что Дженна до боли напоминала диснеевскую героиню. Ханна тоже считала, что Дженна похожа на Белоснежку – но в хорошем смысле. Не настолько изысканная, как Эли, миловидная Дженна все-таки обращала на себя внимание. Однажды Ханне пришло в голову, что сама она тянет только на гнома Соню из той же сказки.

И все же Дженна оставалась излюбленной мишенью для насмешек Эли. Ханна помнила, как в шестом классе она нацарапала непристойную шутку о сиськах Дженны под диспенсером бумажных полотенец в школьном туалете для девочек. А перед уроком алгебры налила воды на стул Дженны, чтобы после урока та встала с мокрым пятном на брюках. Она высмеивала деревенский акцент Дженны на уроках французского... Поэтому, когда парамедики вытащили Дженну из домика на дереве, Ханне стало не по себе. Ведь это она подхватила идею Эли разыграть Тоби, решив, что, если прокатит с Тоби, можно будет посмеяться и над Дженной. Она как будто хотела, чтобы все это случилось.

В конце коридора распахнулись автоматические двери, и Ханна очнулась от воспоминаний. Она застыла на месте, сердце забило сильнее, предвкушая появление Шона, но чуда не случилось. Разочарованная, она достала из кармана сотовый телефон и набрала его номер. Включилась голосовая почта, и Ханна нажала отбой. Она позвонила еще раз, подумав, что он просто не успел взять трубку, но снова попала на автоответчик.

– Привет, Шон, – защебетала Ханна после сигнала, стараясь, чтобы голос звучал беззаботно. – Это снова Ханна. Хотела поговорить с тобой, в общем... м-м... ты знаешь, где меня найти!

Сегодня она оставила ему уже три сообщения, но Шон так и не ответил. Интересно, не заседал ли он в «Клубе Д»? Недавно Шон дал обет целомудрия, поклявшись не вступать в сексуальные отношения никогда. Может, перезвонит, когда освободится? Или нет. Ханна сглотнула – ей даже думать об этом не хотелось.

Тяжело вздохнув, она пошла в служебную раздевалку, совмещенную с кладовкой. Ханну аж передернуло, когда она увидела, что Ингрид повесила ее сумку-хобо от «Феррагамо» рядом с полосатой виниловой дешевкой от «Гэп». Она бросила телефон в сумку, схватила рулон бумажных полотенец, бутылку

моющего средства и отыскала свободную палату. Может, хотя бы работа могла отвлечь ее от мыслей о Шоне и «Э»?

Закончив мыть раковину, она случайно наткнулась на металлический шкаф, который оказался незапертым. На полках стояли картонные коробки, надписанные знакомыми названиями. «Тайленол-3». «Викодин». «Перкоцет». Ханна осторожно заглянула внутрь. С ума сойти – столько наркотиков. Вот так запросто, без всяких замков?в...

Джекпот.

Ханна быстро зачерпнула несколько пригоршней перкоцета и рассовала его по карманам кардигана, оказавшимися на удивление глубокими. По крайней мере, веселые выходные им с Моной были обеспечены.

И тут чья-то рука легла на плечо девушки. Она вздрогнула и резко обернулась; пропитанные моющим средством бумажные полотенца и склянка с ватными шариками полетели на пол.

– Почему ты еще только во второй палате? – Ингрид нахмурилась и стала похожа на сердитого мопса.

– Я... я просто пытаюсь работать тщательно. – Ханна собрала бумажные полотенца и швырнула их в корзину, надеясь, что перкоцет не вывалится из карманов. Шею до сих пор жгло в том месте, где до нее дотронулась Ингрид.

– Пойдем со мной, – сказала Ингрид. – В твоей сумке что-то шумит. И беспокоит пациентов.

– Вы уверены, что это в моей сумке? – спросила Ханна. – Я только что из раздевалки и...

Ингрид привела Ханну обратно в гардероб. Так и было: мелодичный перезвон доносился из внутреннего кармашка ее сумки.

– Это всего лишь мобильник. – У Ханны сразу поднялось настроение. Может, Шон все-таки позвонил!

– Тогда, пожалуйста, сделай звук тише. – Ингрид вздохнула. – А потом возвращайся к работе.

Ханна достала трубку, чтобы проверить, кто звонит, но на экране лишь высветилось новое сообщение.

Ханна, мытье полов в «Билл Бич» не поможет вернуть прошлую жизнь. Не думай, что и тебе удастся отмыться. И, кроме того, я знаю про тебя такое, что прямой роузвудской школы тебе больше не бывать. – Э.

Ханна в замешательстве огляделась по сторонам. Она еще раз прочитала сообщение. Во рту пересохло. Что мог знать «Э», чтобы с уверенностью заявлять такое?

Дженна.

Если «Э» знает, что...

Ханна быстро набрала текст: «Ты ничего не знаешь». И нажала «ОТПРАВИТЬ». В считанные секунды от «Э» пришел ответ:

Я знаю все. И могу УНИЧТОЖИТЬ ТЕБЯ.

7. О, капитан, мой капитан!

Во вторник после уроков Эмили заглянула в кабинет тренера Лорен.

– Можно с вами поговорить?

– Да, но у меня всего пара минут, надо срочно отнести это руководству, – сказала Лорен, показывая листок с программой заплывов.

Сегодня должны были состояться первые в сезоне соревнования по плаванию. Обычное дело – товарищеские состязания с участием всех местных школ, без судейства, – но Эмили всегда нервничала и готовилась к ним, как к самым ответственным стартам, даже эпиляцию делала. Но только не в этот раз.

– В чем дело, Филдси? – спросила Лорен.

Лорен Кинкайд было чуть за тридцать; с тусклыми от хлорки светлыми волосами, она не вылезала из футболок с мотивационными лозунгами пловцов – «Не смей пускать пузыри» или «Мой стиль – вольный». Она тренировала Эмили на протяжении шести лет: сначала в «лягушатнике», потом на «длинной воде»[24 - Имеется в виду 50-метровый бассейн.] и вот теперь – в сборной роузвудской школы. Мало кто знал Эмили так хорошо – во всяком случае, достаточно хорошо, чтобы называть ее Филдси или знать, что перед соревнованиями Эмили предпочитает бифштекс с перцем из ресторана «Китайская роза», а если проплывает баттерфляем на три десятых секунды быстрее, это верный признак того, что у нее месячные. От этого предстоящий разговор с тренером казался еще более трудным.

– Я хочу бросить плавание, – выпалила Эмили.

Лорен недоуменно моргнула. Она выглядела ошеломленной, как будто ей сообщили, что бассейн кишит электрическими угрями.

– П-почему?

Эмили уставилась на линолеум в черно-белую клетку.

– Мне это больше не доставляет удовольствия.

Лорен шумно выдохнула.

– Ну, плавание – не всегда удовольствие. Иногда это работа.

– Я знаю. Но... просто я больше не хочу этим заниматься.

– Ты уверена?

Эмили вздохнула. Она думала, что была уверена. Во всяком случае, на прошлой неделе она точно была уверена. Она много лет занималась плаванием, никогда не задаваясь вопросом, нравится ей это или нет. Майя помогла ей собраться с духом и признаться самой себе – и родителям – в том, что она хотела уйти из спорта.

Но все это было до того, как кое-что случилось. А теперь она чувствовала себя игрушкой йо-йо, которая мечется из стороны в сторону. То ей хотелось бросить плавание. То она мечтала вернуться к привычной жизни умницы и послушной дочери – ходить на тренировки, проводить выходные с сестрой Кэролайн, дурачиться в школьном автобусе с друзьями по команде, читать гороскопы. А то вдруг она выбирала полную свободу, чтобы жить собственными интересами. Только вот... Какие у нее были интересы, помимо плавания?

– Я как будто перегорела, – попыталась объяснить Эмили.

Лорен подперла рукой подбородок.

– А я собиралась сделать тебя капитаном.

Эмили от удивления распахнула рот:

– Капитаном?

– Ну да. – Лорен защелкала авторучкой. – Я думала, ты этого заслуживаешь. Ты настоящий командный игрок, разве не так? Но, если ты больше не хочешь плавать, тогда...

Даже ее старшие брат и сестра Джейк и Бет, которые четыре года выступали за школьную сборную по плаванию и получили стипендию колледжа, не удостоились звания капитана.

Лорен накрутила на палец шнурок от свистка.

– Что, если я немного смягчу требования? – Она взяла Эмили за руку. – Я понимаю, тебе сейчас нелегко. Твоя подруга...

– Да. – Эмили уставилась на постер с Майклом Фелпсом[25 - Майкл Фред Фелпс II (р. 1985) – американский пловец, единственный в истории спорта 18-кратный олимпийский чемпион, 26-кратный чемпион мира в 50-метровом бассейне.], надеясь сдержать слезы. Стоило кому-то упомянуть Эли – а это случалось каждые десять минут, – у нее начинало щипать глаза и нос.

– Что ты на это скажешь? – ласково спросила Лорен.

Эмили провела языком по небу. Капитан. Хоть она и была чемпионкой штата в 100-метровке баттерфляем, но в роузвудской школе собралась на удивление сильная команда – Лэйни Айлер на юниорском чемпионате заняла пятое место на дистанции 500 метров вольным стилем, а Дженни Кестлер уже получила приглашение на учебу в Стэнфорде. Однако Лорен выбрала Эмили, а не Лэйни или Дженни, и это было неспроста. Может, это знак, что жизнь йо-йо могла вернуться в прежнее спокойное русло?

– Хорошо, – услышала она собственный голос.

– Вот и славно. – Лорен похлопала ее по руке, а потом достала из какой-то коробки футболку и вручила ее Эмили. – Держи, это тебе. Подарок к началу сезона.

Эмили развернула футболку и прочла надпись. «МОКРЫЕ ЛЕСБИ: ОСТОРОЖНО, СКОЛЬЗКО». Она посмотрела на Лорен, почувствовав сухость во рту. Неужели Лорен знала?

Тренер наклонила голову.

– Это про баттерфляй, – медленно произнесла она. – Ну, догадалась?

Эмили снова перевела взгляд на футболку. Почему ей везде мерещились «лесби»? Написано же: «Мокрые попки»!

– О, – прохрипела она, складывая футболку. – Спасибо.

Она выскочила из кабинета Лорен и нетвердым шагом прошла через вестибюль бассейна. В помещении толпились пловцы, слетевшиеся на спортивный праздник. Вдруг Эмили остановилась, почувствовав на себе чей-то взгляд. В дальнем углу, прислонившись к витрине с трофеями, стоял ее бывший парень Бен. Он смотрел пристально, неподвижно и не мигая. У нее начало покалывать кожу, и тепло хлынуло к щекам. Бен ухмыльнулся и прошептал что-то на ухо своему лучшему другу Сету Кардиффу. Сет засмеялся, взглянул на Эмили и что-то шепнул Бену. Оба хмыкнули.

Эмили затерялась в толпе малышей из школы Сент-Энтони.

Еще и поэтому она хотела бросить плавание – чтобы не встречаться каждый день после школы с Беном. Он застал Майю и Эмили в объятиях друг друга на вечеринке у Ноэля в прошлую пятницу. И теперь все знал.

Эмили прошмыгнула в пустынный коридор, ведущий к раздевалкам для пловцов. Из головы не шло последнее сообщение от «Э». Странно, но, когда Эмили читала его текст в ванной гостиничного номера Майи, ей казалось, что она слышит голос Эли. Но ведь это было невозможно, верно? А еще она подумала о том, что Бен был единственным, кому известно о Майе. Если предположить, что он каким-то образом разнюхал и про давний поцелуй с Эли... Может, Бен и был «Э»?

– Куда ты?

Эмили обернулась. Бен шел за ней.

– Привет. – Эмили попыталась улыбнуться. – Что такое?

На соревнования Бен обычно приходил в старом спортивном костюме «Чемпион», полагая, что он приносит удачу. В выходные он заново побрил голову, отчего его угловатое лицо казалось еще более суровым.

– Ничего, – со злостью произнес он, и его голос эхом отскочил от кафельных стен. – Ты вроде решила бросить плавание.

Эмили пожала плечами:

- Да, но, кажется, я передумала.

- Неужели? В пятницу ты была настроена решительно. Твоя подружка так гордилась тобой.

Эмили отвела взгляд:

- Мы были пьяны.

- Это верно. - Он сделал шаг в ее сторону.

- Думай, что хочешь. - Она повернулась и пошла к раздевалке. - И твое сообщение меня совсем не испугало.

Бен нахмурил брови:

- Какое еще сообщение?

Эмили остановилась.

- В котором ты угрожал, что расскажешь всем. - Она решила проверить правильность своих догадок.

- Я ничего не писал. - Бен вздернул подбородок. - Но... я мог бы рассказать всем. История про лесбиянку - это настоящая бомба.

- Я не лесбиянка, - процедила она сквозь зубы.

- Да что ты говоришь? - Бен шагнул к ней. Его ноздри раздувались. - Тогда докажи это.

У Эмили вырвался смешок. Бен есть Бен. Но тут он бросился к ней, схватил за запястье и толкнул к фонтанчику с питьевой водой.

Она судорожно вздохнула, ощущая горячее дыхание Бена на своей шее. От него пахло виноградной газировкой.

- Прекрати, - прошептала она, пытаясь вырваться.

Бен и одной рукой мог с ней справиться, а сейчас придавил ее всей своей тяжестью.

- Я же сказал, докажи.

- Бен, остановись.

От страха у Эмили на глаза навернулись слезы. Она неуклюже сопротивлялась, но Бена это только раззадоривало. Его рука уже скользнула вверх, к груди девушки. Эмили невольно вскрикнула:

- Какие-то проблемы?

Бен резко отступил назад. В конце коридора стоял парень в спортивной куртке с логотипом школы Тейта. Эмили прищурилась. Неужели?..

- Не твое дело, чувак, - громко произнес Бен.

- Что не мое дело? - Парень подошел ближе. Точно, это был он.

Тоби Кавано.

- Да пошел ты, придурок. - Бен повернулся к нему.

Взгляд Тоби упал на руку Бена, сжимавшую запястье Эмили. Он вскинул голову.

- Так в чем дело?

Бен мрачно взглянул на Эмили и нехотя отпустил ее. Она отскочила в сторону, а Бен плечом толкнул дверь в мужскую раздевалку. Стало тихо.

- Ты в порядке? - спросил Тоби.

Эмили кивнула и потупила взор.

- Думаю, да.

- Уверена?

Она украдкой взглянула на Тоби. Тот стал гораздо выше ростом, его лицо утратило прежнее подленькое выражение, а высокие скулы и темные глаза делали его по-настоящему красивым. Эмили невольно вспомнились слова «Э». «Хотя многие из нас преобразились до неузнаваемости...»

У нее задрожали коленки. Не может быть... Или все-таки может?

- Я должна идти, - пробормотала она и побежала к женской раздевалке.

8. Даже образцовым роувудским парням не чуждо самокопание

Во вторник днем, возвращаясь из школы, Ария проезжала мимо поля для лакросса и узнала одинокую фигуру игрока, который носился с клюшкой в зоне ворот. Он постоянно менял направление ударов и скользил по мокрой грязной траве. Зловещие серые тучи затянули небо, накрапывал мелкий дождик.

Ария подъехала к кромке поля.

- Майк!

Она не видела брата со вчерашнего дня, с тех пор как он сбежал из «Виктори». Ближе к вечеру он позвонил домой и сказал, что поужинает у своего друга Тео. А еще позже перезвонил и предупредил, что останется у него ночевать.

Майк поднял голову и нахмурился.

- Что?

– Подойди сюда.

Майк нехотя поплелся по аккуратному зеленому ковру газона.

– Садись, – скомандовала Ария.

– Я тренируюсь.

– Ты не можешь вечно избегать меня. Мы должны поговорить.

– О чем?

Она подняла идеально изогнутую бровь.

– Хм, о том, что мы видели вчера. В баре.

Майк затеребил кожаный ремешок на клюшке. Капли дождя отскакивали от холщовой ткани бейсболки «Брайн».

– Не понимаю, о чем ты.

– Что? – Ария прищурилась, но Майк даже не взглянул на нее. – Ладно. – Она включила заднюю передачу. – Оставайся тряпкой.

Майк схватился рукой за оконную раму.

– Я... я не знаю, что мне делать, – тихо сказал он.

Ария нажала на педаль тормоза.

– В смысле?

– Если они разведутся, не знаю, что я сделаю, – повторил Майк. На его лице появилось страдальческое, смущенное выражение, отчего он стал похож на десятилетнего мальчишку. – Взорву себя, наверное.

Слезы навернулись на глаза Арии.

– Этого не будет, – дрожащим от волнения голосом произнесла она. – Я обещаю.

Майк шмыгнул носом. Она протянула к нему руку, но он отскочил от машины и побежал по полю.

Ария решила оставить его одного и медленно покатила по извилистой мокрой дороге. Она любила дождь. Он напоминал ей о счастливых ненастных днях далекого детства. Девятилетней девчонкой, она украдкой пробиралась на пришвартованный соседский парусник, забиралась под брезент и, приютившись в уголке палубы, вслушивалась в звуки дождя и записывала в дневнике свои мысли.

Лучше всего ей думалось в дождь, а уж сейчас определенно было о чем подумать. Она бы справилась с угрозой «Э» рассказать Элле о Мередит, если бы все это осталось в прошлом. Родители могли сами обо всем договориться, Байрон поклялся бы, что такое не повторится, – ну и так далее. Но теперь, когда Мередит вернулась в его жизнь, все изменилось. Вчера отец так и не пришел домой ужинать – хм, проверял контрольные работы, – и Ария с мамой сидели на диване с мисками супа на коленях и тупо смотрели телевикторину «Рискуй!»[26 - Jeopardy! (англ.) – телевизионная игра-викторина, в которой игроки отвечают на самые разные вопросы по самым разным тематикам. Российский аналог – «Своя игра»]. Обе молчали. Хуже всего, что Ария и сама не знала, что будет делать, если родители разведутся.

Взбираясь на крутой холм, она поддала газу – на подъемах «Субару» всегда требовался дополнительный толчок. Но, вместо того чтобы рвануть вперед, автомобиль замигал лампочками на приборной панели и медленно покотился вниз.

– Черт, – прошептала Ария, включая аварийный тормоз. Она снова попыталась запустить двигатель, но машина заглохла.

Девушка оглядела пустынную двухполосную проселочную дорогу. В небе уже грохотал гром, дождь заметно усилился. Ария полезла в сумку за телефоном, сообразив, что нужно вызвать эвакуатор или родителей, но, обшарив все кармашки, поняла, что оставила мобильник дома. Стекла в машине запотели,

не было видно ни зги.

– О боже, – пробормотала Ария, чувствуя приближение приступа клаустрофобии. Перед глазами появились темные пятна.

Арии было знакомо это тревожное ощущение, предвестник паники. Такое случалось прежде, и не раз. После катастрофы с Дженной, потом после исчезновения Эли и однажды, когда она спускалась по улице Логавегур в центре Рейкьявика и увидела на рекламном щите портрет девушки, копии Мередит.

«Успокойся, – мысленно произнесла она. – Это просто дождь». Она сделала пару глубоких, очищающих вдохов, заткнула уши и стала напевать по-французски «Братца Жака» – почему-то именно эта детская французская песенка приносила облегчение. После трех куплетов перед глазами прояснилось. Ураганный ветер поутих, но лило как из ведра. Ария понимала, что нужно вернуться на оставшуюся позади ферму и попросить разрешения позвонить. Она открыла дверцу автомобиля, растянула над головой форменный блейзер и побежала. Порыв ветра задрал ее мини-юбку, ноги утопали в глубоких грязных лужах. Ремешки сандалий оказались никудышной защитой.

– Проклятье, – выругалась она.

До фермы оставалась всего сотня шагов, когда мимо проехала темно-синяя «Ауди». Автомобиль окатил Арию грязью и остановился у заглохшего «Субару», потом медленно сдал назад, пока не поравнялся с Арией. Водительское стекло поползло вниз.

– Ты в порядке?

Ария прищурилась. Капли дождя стекали с кончика ее носа. Из окна выглядывал ее одноклассник Шон Эккард. Образцовый роузвудский парень: свежая рубашка поло, чистая кожа, американская улыбка, дорогой автомобиль. Только он играл в футбол, а не в лакросс. Короче, совсем не тот тип, который мог бы ей сейчас помочь.

– Я в порядке! – крикнула она.

– Да ты насквозь промокла. Подвезти?

Ария действительно промокла до нитки, да и лицо уже, наверное, сморщилось от воды. Автомобиль Шона выглядел сухим и уютным. Она скользнула на пассажирское сиденье и захлопнула дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/sara-shepard-2/milye-obmanschicy-bezuprechnye/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Сноски

1

«Крибс» – развлекательная передача о повседневной жизни звезд шоу-бизнеса. (Здесь и далее, если не оговорено иное, примечания переводчика.)

2

В США детский сад дети начинают посещать в возрасте 4–5 лет, он официально является первой ступенью младшей школы и входит в начальное образование.

3

В эфире канала E! (англ. Entertainment – «развлечение») представлены реалити-шоу, новости из мира шоу-бизнеса, а также программы, посвященные значимым голливудским мероприятиям.

4

Вильямсбург – город XVIII века в штате Вирджиния, отреставрированный и воссозданный специалистами, музей под открытым небом.

5

Tote bag (англ.) – вместительная сумка прямоугольной формы. Современная сумка-тоут чаще всего имеет трапециевидную форму, и ее верх может закрываться на замок или застежку.

6

Hobo bag (англ.) – сумка в форме полумесяца с одной ручкой. Название произошло от английского hobo – «бродяга, странник». Форма сумки-хобо

напоминает узелок, с которым прежде путешествовали небогатые люди.

7

От англ. foxhunting (fox – лиса; hunting – охота).

8

Стиль георгианской эпохи (название стилей архитектуры и мебели, сложившихся к середине XVIII века и существовавших до 1830-х годов).

9

NPR (англ.) – Национальное общественное радио США.

10

Имеются в виду Николь Кидман и Анджелина Джоли – послы доброй воли ООН.

11

Амиши, аманиты – консервативная секта меннонитов, для которой характерно отрицание технического прогресса и следование традиционному укладу жизни. Названа по имени основателя, священника Якоба Аммана. Основана в 1690 году

в Швейцарии. В 1714 году члены секты переселились на территорию современной Пенсильвании.

12

Бранч – поздний завтрак (от англ. breakfast – завтрак, lunch – ланч).

13

Гидропоника – способ выращивания растений на искусственных средах, при котором растение своими корнями не посажено в землю, а находится в воде со специальными растворами, либо в очень влажной пористой среде.

14

Dub (англ.) – американский журнал о городских автомобилях и знаменитостях за рулем.

15

Хейди – героиня детских книжек. Косы укладывают в полувенчик, как корону или ободок.

16

Питчер – большой кувшин пива.

17

«Егермейстер» – популярный немецкий крепкий ликер, настоянный на травах.

18

«Койнстар» – оператор на рынке финансовых услуг частным лицам среди небанковских учреждений.

19

Пиво-понг – алкогольная игра, в которой игроки бросают мяч для пинг-понга через стол, стремясь попасть им в кружку или стакан с пивом, стоящий на другом конце этого стола.

20

Сомнология – раздел медицины и нейробиологии, посвященный исследованиям сна, расстройств сна, их лечению и влиянию на здоровье человека.

21

Томас Коул (1801–1848) – американский пейзажист, глава Гудзонской школы.

22

«Марта Стюарт ливинг» – женский журнал, основанный Мартой Хелен Стюарт – американской бизнесвумен, телеведущей и писательницей, получившей известность и состояние благодаря советам по домоводству.

23

Темпура – блюдо из рыбы, морепродуктов или овощей; порезанные на кусочки продукты обмакивают в кляр, а затем жарят в кипящем масле.

24

Имеется в виду 50-метровый бассейн.

25

Майкл Фред Фелпс II (р. 1985) – американский пловец, единственный в истории спорта 18-кратный олимпийский чемпион, 26-кратный чемпион мира в 50-метровом бассейне.

26

Jeopardy! (англ.) – телевизионная игра-викторина, в которой игроки отвечают на самые разные вопросы по самым разным тематикам. Российский аналог – «Своя игра».

Купить: <https://tellnovel.com/sara-shepard/milye-obmanschicy-bezuprechnye-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)